

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»
Творческий конкурс «Слово об учителе»
Номинация: «Учитель в моей судьбе»
<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

Бутусов Алексей Владимирович
Ярославская область
пгт. Красные Ткачи

Родился в 1988 году, детство провёл в музее-усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха». С 4 лет сочинял рассказы и сказки.

В 2004 году с отличием окончил Карабихскую основную общеобразовательную школу и поступил в Ярославский индустриально-педагогический колледж. В течение обучения – активный участник жизни колледжа, председатель совета политологов, автор многочисленных публикаций в газете «Студенческий вестник», постоянный участник и победитель областных и международных педагогических конкурсов.

В 2009 году с отличием окончил Ярославский индустриально-педагогический колледж и в настоящее время – преподаватель русского языка и литературы, истории изобразительного искусства, кружка «Топонимика Ярославского края» Красноткацкой средней общеобразовательной школе.

2006 год – автор первого сборника лингвистических миниатюр «Грамоте учиться – всегда пригодится»

2007 год – автор сборника лингвистических миниатюр «Сказка – ложь, да в ней намёки. Прочитал – готов к уроку!»

2008 год – составитель авторской программы по курсу «Топонимика Ярославского края» и рабочей тетради по курсу, лауреат всероссийского конкурса «Педагогические инновации». Автор курсовой работы теоретико-практического характера «Лингвистическая миниатюра как средство развития творчества и воображения на уроках русского языка в 5 классе».

2009 год – автор выпускной квалификационной работы «Рабочая тетрадь на уроках русского языка в 5 классе», иллюстрированной рабочей тетради по русскому языку в двух частях, методического пособия к тетради. Автор сборников рассказов «Лингвистический калейдоскоп», «Радуга школьной жизни» и сказочной повести «Совсем-совсем без волшебства». Автор рабочей тетради по изобразительному искусству для учащихся художественной школы.

2010 год – руководитель популярно-краеведческого фотопроекта «110 деталей посёлка Красные Ткачи и его окрестностей», соавтор «Азбуки Красноткацкой школы».

Увлечения: путешествия и создание путевых очерков, наблюдения за природой и погодой, роспись деревянных изделий, наконец, всё, что связано с методикой преподавания русского языка и литературы, огородничество, лыжи и... многое другое.

Авторское предисловие

Мой сборник «Радуга школьной жизни» - своеобразная палитра школьных событий, настроений и историй. Я не даю в этих рассказах однозначного ответа на вопрос «Каким должен быть (или не должен?) современный учитель». Я предлагаю читателю самому найти ответ. Герои «Радуги...» – не только учителя, но и дети, их родители, потому что без них невозможно представить школьную жизнь.

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

Сразу скажу, что все эти рассказы придуманы, хотя проникательный читатель, конечно, догадается, что отдельные моменты были подсказаны мне жизнью. Рассказов в сборнике 7, как и цветов в радуге, и они такие же разные. Столь же разнообразна и школьная жизнь. Но она всегда остаётся в памяти яркой, солнечной и радужной эпохой.

Надеюсь, что моя «Радуга школьной жизни» не останется незамеченной и принесёт читателям приятные минуты.

С уважением, Алексей Бутусов

Школьная жизнь глазами кота Василия

Будем знакомы! Кот Василий.

Когда я появился в школе, уж не помню. Кажется, жил здесь всегда.

«Как же представить нашу школу без этого рыжего лохматого сорванца!» – говорили между собой учителя и ребята.

Каждое утро я встречаю ребятшек, стекающихся в сельскую школу. Причём, я всегда лежу, вальяжно и бесцеремонно раскинувшись на пороге. Так и хочется сказать: «Эх, вы! Учитесь, да? Понимаю. Сейчас прозвенит звонок, вы все сядете за парты, будете задачки скучные решать, а я весь день свободен. Хочу – по деревьям лазаю, хочу – воробьёв шугаю. Что хочу, то и ворочу».

Больше всего я люблю разлечься в дверях при входе в какой-нибудь кабинет. Тут уж никакие «брысь» не помогут. Приходится, сказав (скорее для виду) «Фу ты, рыжий разбойник», перешагивать через меня. А мне хоть бы что, до того я ленив и неповоротлив. Все в школе уже знают, что так я могу пролежать в дверях хоть час, хоть два, пока наконец кто-нибудь не наступит мне на хвост. После этого, как правило, на весь класс раздаётся моё громкое «мя-мя-мя-я-я», и я пулей вылетаю вон.

Что примечательно, «мяу», как все нормальные коты, я говорить не умею (не повезло как с голосом, так и со слухом). Голос мой колеблется в диапазоне между «ми-а-а-а» и «мя-я-я-я». Так вот, как только мне наступят на хвост, я исполняю подобную арию и бегу искать другую дверь.

Ещё одно моё любимое занятие – нашлёпать своими грязными лапами по чисто вымытому полу. Причём, весь день где-то тусуюсь, я появляюсь в школьном коридоре как раз в тот момент, когда тётя Маруся, школьная уборщица, начинает старательно мыть пол. На чистом полу мигмом появляются коричневые отпечатки моих лап. Напрасно тётя Маруся на меня кричит, перебирая в уме весь запас бранных слов русского языка. Один раз она даже швырнула в меня шваброй. Но ничего из этого не получилось, если не считать того, что швабра, совершив над моей головой «сальто», сломалась пополам.

Фокусы эти – не главные мои достижения. Дело в том, что я очень люблю ловить мышей, которых, кстати, в школе когда-то водилось немало. «И что же тут удивительного?» – спросите вы.

Подождите так говорить, вы ведь ещё не знаете ровным счётом ничего. Дело в том, что пойманную мышь я обычно не ем, а приношу кому-нибудь из учителей в подарок.

Иногда я бегу с мышкой в зубах в учительскую или кабинет и кладу её прямо перед учителем. Так и хочется похвастать: «Смотри, какую я мышку словил! Могу поделиться. Я не жадный». Только учителя почему-то не оценивают моей щедрости, а, напротив, шарахаются при виде мышки. Даю честное слово, мышь – самый лучший из всех подарков. Я специально приношу мышек сердитым учителям – надо же их как-то задобрить! Но они почему-то ещё больше кричат и уже на меня. А сами учат детей, что нужно быть доброжелательным и подарки другим делать. Вот и понимай после этого людей!

Один раз, когда я поймал очередную жертву и понёс её в учительскую, так никого не было. Тогда, недолго думая, я положил уже дохлую мышку прямо на чистую страницу оставленного почему-то раскрытым журнала 9 «А» класса. С тех пор этот журнал прозвали «мышиним», а я и вовсе прославился.

Однажды в конце мая я услышал, что девятый класс собирается писать итоговую контрольную за год. Ребята, перед уроком ходили какие-то грустные, напряжённые, одним словом, они волновались.

«Надо их как-нибудь развлечь» – решил я и забрался на шкаф (а дело было в кабинете биологии).

Прозвенел звонок. Ребята зашли в класс, уселись за парты, преподаватель со строгим видом стал раздавать листы. Обстановка накалялась. А вдруг всё плохо напишут контрольную и получат двойки?

– Итак, сегодня мы пишем очень сложную и важную контрольную работу по биологии, – холодно и монотонно сказал учитель. – Настройтесь на серьёзный лад.

И вдруг мне почему-то стало смешно. Но, поскольку коты смеяться не умеют, мне ничего не оставалось делать, как издать всем знакомое «мя-мя-мя-я-я-я». Ребята подняли головы, в классе послышалось хихиканье.

– Вот этого только не хватало, – рассердился учитель. – А ну, пошёл вон!

– Мя-мя-мя-я-я-я, – передразнил его я, нахально озираясь по сторонам. Обидно стало: мне, старожилу школы – и «пошёл вон!»

– Ах, ты ещё и передразнивать меня будешь? – закричал учитель. – Ты что, человеческий язык не понимаешь?! (Ещё бы я понимал человеческий язык, я же кот!) У нас итоговая контрольная!

– Мя-мя-мя-я-я-я! – ворчливо продолжил я с той же интонацией.

Класс взорвался дружным хохотом. Все давились со смеху, хватаясь за животы и, естественно, забыв о контрольной. Учитель, увидев это, не на шутку на меня разозлился.

– Ах так! Вот я тебя!

Однако при всем своём большом росте учитель меня достать не смог, поэтому, недолго думая, он снял с ноги ботинок и запульнул его прямо в меня. Учитель, конечно, и не вспомнил о том, что внизу под шкафом стоит аквариум с рыбками. На этот раз ботинок учителя здорово меня шлёпнул, и я, издав своё фирменное «мя-мя-мя-я-я-я», свалился со шкафа и нырнул прямо в аквариум. Вслед за мной в аквариум плюхнулся новый ботинок учителя.

Под детский хохот и ворчанье учителя я был за шкуру извлечён из воды (так и не дали покупаться!), а за мной – и ботинок. Через десять минут я был уже сухим, а вот ботинку повезло меньше: как выяснилось, он был сделан в Китае, и так некачественно, что после купания в аквариуме у него отклеилась подошва. Зато несколько минут смеха сделали своё:

получив хорошую разрядку, почти все девятиклассники написали контрольную работу на пятёрки.

В другой раз случай приключился уже в начале июня. Пробрался я в учительскую и вижу красиво накрытый стол. А я любопытный – прыг на стол, дай, думаю, посмотрю, чем люди питаются. Увидел вдруг какое-то красивое блюдо, изготовленное, небось, по иностранному рецепту. Попробовал – ещё как вкусно! Решил ещё отведать, а когда опомнился, тарелка оказалась уже пустой. Вкуснятина!

Тут только сообразил я, что меня ругать будут. От вкусной еды меня разморило, забрался я под стол передохнуть немного. И заснул там.

Просыпаюсь оттого, что слышу весёлые голоса учителей, которые собрались, чтобы отметить какой-то праздник.

– Дорогие мои коллеги, – сказала тогда Зинаида Александровна, учительница географии. – По случаю моего юбилея я хочу вас угостить своим любимым блюдом – вот этой рыбой в соусе. Надо сказать, очень...

Тут её голос смолк, и я мигом догадался, в чём дело. Наверно, глаза у Зинаиды Александровны (как там у вас, у людей говорится) на лоб полезли. Тут кто-то заглянул под стол – прятаться было бесполезно. «Сейчас накажут!» – подумал я, а их вдруг смех пробрал. Видимо, я имел очень смешной и жалкий вид, а может, учителя просто не хотели портить друг другу праздничное настроение. После этого я три дня ходил вперевалочку, как мешок, мурлыкая от удовольствия. А учителям так и не удалось отведать деликатеса по иностранному рецепту.

Быстро пролетело время. Ремонт в школе был уже закончен, классы были готовы вновь принять учеников. И вот однажды приехала комиссия проверять готовность школы к новому учебному году. Не знаю почему, но мне показалось, что эта самая комиссия уж чересчур критично оценивает школу. И то ей не так, и это! Особенно отличалась самая главная проверяющая из этой комиссии. За глаза я её ревизоршей прозвал (не зря на уроках литературы сживал, теперь я кот учёный).

Вся школа была в идеальном состоянии. Даже мыши, которые когда-то водились в школе, были все до единой выведены, так что теперь я бегал на охоту в соседние дома и сараи. Пол блестел чистотой, для окон были специально закуплены занавески, но ревизорша всё равно оставалась недовольной. Она была такой высокой и важной, что никто не решался ей перечить.

«Надо что-то предпринять», – смекнул я. – Во что бы то ни стало, надо задобрить ревизоршу».

Уже через несколько минут я вновь появился в учительской, но уже с добычей в зубах. Не издавая ни звука, я прыгнул на колени к ревизорше и положил ей на юбку огромную, ещё живую крысу, которая тут же побежала.

– А-а-а-а! – заверещала ревизорша. – Уберите её, а-а-а! Я же её боюсь, спаси-и-ите! Всё приму, школу приму к учебному году, только уберите крысу!!! Я ведь вам неправду сказала, у вас школа самая лучшая, она готова к учебному году! Просто у меня с утра

молоко убежало, в маршрутке на ногу наступили, вот и настроение плохое!

С этими словами ревизорша пулей вылетела из школы. За ней бежал я, издавая своё громкое победное «мя-мя-мя-я-я-я». С тех пор ревизорша больше не появлялась. А я так и остался жить и чудить в школе.

Эх, что бы без меня все делали! Может быть, и школу закрыли бы, и первого сентября коридоры и классы уже не наполнились весёлыми голосами детей.

Вот такой я Василий. Хотите познакомиться поближе? Я вас уже жду, приходите в нашу школу!

Фрекен Бок и Ася, или Смех сквозь слёзы

Звенит звонок. 8 «Б» класс, неохотно достав вещи и приготовившись к занятию, смотрит в окно. Сейчас начнётся литература, самый скучный предмет, как считали почти все восьмиклассники. Вернее, предмет-то интересный, но вот учитель... Софья Иосифовна, преподаватель литературы, была нелюбимой учительницей у всех за то, что она постоянно кричала на детей, ворчала и ругалась, а самое главное – совсем не умела общаться с учениками. Поэтому, урок превращался в какую-то тягучину, если только такое слово есть в русском языке.

А вот и она.

– Та-а-к, ну что, лоботрясы, – грозно говорит Фрекен Бок вместо приветствия, входя в класс. – Ивушкин, ты почему опять без учебника? Да что же это такое в конце концов, когда же я вас всех приучу к тому, что учебник надо носить регулярно? А ты, Синицина, опять с Петровой села, чтобы языком болтать? Я-то знаю, он у тебя как помело.

Фрекен Бок недовольно хмурит брови, указательным пальцем поправляет очки и продолжает тем же ворчливым тоном:

– А, по-правде, вы все хороши. И за что это я с вами тут мучаюсь? Значит так, сегодня мы с вами будем изучать сказку, то есть, повесть Тургенева «Ася». Все текст взяли в библиотеке? 8 «Б», я не по-русски вам сказала в тот раз, чтобы вы взяли «Асю»? Что за шум в классе? Тишина!

Однако слова Фрекен Бок ни на кого впечатления не производят. Все продолжают заниматься своими делами, зевая и тупо глядя в тетрадь. К крикам Фрекен Бок все уже давно привыкли и «Ася», преподнесённая в таком виде, никого не интересует. Все мечтают лишь об одном: чтобы поскорее закончился урок.

А Фрекен Бок продолжает вещать:

– Так, Ивушкин, у тебя есть книга? Начинай читать вслух первую главу. Да, я знаю, ты сейчас начнёшь отговариваться. И нечего сопеть, давай читай.

Ивушкин неохотно открывает книгу и начинает с запинкой читать прекрасный тургеневский текст.

– А вы, лоботрясы, слушайте, – кричит Фрекен Бок. – Вот щас контрольную вам сделаю, будете знать, как дурака валять на уроке.

Ивушкин продолжает читать. Сзади слышатся смешки.

– Читай, Вась, медленнее, – тыкает пальцем его в спину сосед. – Весь урок читай, чтобы Фрекен не успела контрошу нам впарить. Давай, давай, ты сможешь.

– Та-а-ак, разговорчики! – кричит опять Фрекен Бок. – Народ, вы издеваетесь надо мной? Хватит уже языком трепать. Ивушкин, ты «Асю» читаешь или похоронный марш?

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

– Да я, Софья Иосифовна...

– Молчать!!! Да знали бы вы, что за произведение вы читаете! Это же Иван Алексеевич, то есть, Сергеевич, Тургенев! Савельев, что ты опять в учебнике Сидорова ночуешь? Ну естественно, свой не взял. Я так и знала. А ну-ка, выйди вон.

– Софья Иосифовна, что я такого сделал? Разве можно выгонять с урока за то, что учебник забыл?

– Ты ещё и советы мне давать будешь? И так я уже пол-урока на вас, лоботрясы, потратила. Я продолжу, ещё одно замечание – и вы все у меня вылетите вон!

Но никто Фрекен Бок не боится – ни её, ни её угроз. Все уже привыкли к этим крикам, которые составляют её стиль жизни, и все знали, что она накричит, выгонит, но тройку в конце четверти поставит всё равно. А кому надо – и четвёрку. Значит, произведения можно не читать...

Урок продолжается.

– Итак, главными героями «Аси» является Гагин и этот... этот, ну как его? Сидоров, хватит в окно глядеть. А ну-ка повтори, что я сейчас сказала?

– Вы сказали, что главным героем «Аси» является «этот, как его», – звонко отбарабанивает Сидоров.

– А за то, что ты мне дерзишь, дай-ка дневник, – злится Фрекен Бок. – Итак, главным героем «Аси» является Грушницкий. Что? Только не говори мне, опять, Сидоров, что забыл его дома.

– Не-а, – с глупой деланной улыбкой говорит Сидоров. – Я его потерял.

– Лучше б ты голову свою потерял, – говорит Фрекен Бок. – Так на чём мы с вами остановились? На том, что главным героем «Аси» является Чичиков... То есть тьфу, совсем вы меня с толку сбили. Не Чичиков, а Гагин. Теперь давайте поговорим на тему «любовь в повести Тургенева «Ася». Фрекен Бок заглядывает в методичку.

– Итак, любовь – это высокоэстетизированное чувство, которое... Сидоров, ты опять меня не слушаешь! До чего же вы, нынешнее поколение, распущенное! В наши времена дети нормальными были, уважали учителя. Итак, господин N встречается с Асей и понимает, что влюблён с ней... в ней... в нею... Ну короче, народ, вы меня поняли. Никитин, что ты за шпаргалку бросил Белкиной? Когда же вы, наконец, научитесь сидеть на уроке, а не вертеться, как обезьяны? Из-за вас я всё время теряю мысль. Господин N встретил Белкину... Ой, да что же я говорю такое? И вовсе не Белкину, а Асю. Таким образом, любовь в повести Тургенева – счастливое счастье, то есть искреннее, чистое... ммм, что же чистое? Чистое, чистому... Ивушкин, ты опять меня не слушаешь!

Звонит звонок.

– Фу ты, слава богу, – вздыхает Фрекен Бок. – Как я от вас устала, молодёжь. Дома прочитаете «Асю» и попробуйте только не прочитать. Всё!!!

Ивушкин и Сидоров возвращаются из школы. На улице светит солнце, весна.

– Слушай, а что это мы сегодня на литературе изучали? – спрашивает один другого. – Лермонтова вроде, а может, и не Лермонтова.

– Да чепуха какая-то, – слышится в ответ. – Пойдём гулять после обеда. Это ведь куда интереснее!

С Днём Рождения, Настя!

Праздник Восьмое марта подходил к концу. Уже закончились все конкурсы и викторины, которые запланировала Елена Николаевна для своего 7 класса, и становилось даже скучновато. Пора было расходиться по домам – праздник заканчивался, но хотелось чего-то ещё.

– Ну, что приуныли? – спросила Елена Николаевна. – Давайте ещё какой-нибудь конкурс проведём! Скажем, кто вспомнит какое-нибудь стихотворение о маме, о женском празднике или вообще о женщинах, которым этот праздник посвящён!

Двое мальчиков вышли и прочитали какие-то скучные строки, явно с дешёвой открытки.

– Сердце бьётся как олень в Международный Женский день! – прокричал кто-то.

– Ну что, неужели никто никаких стихов больше не знает? – пытаюсь подбодрить ребят, сказала Елена Николаевна.

– А можно я прочитаю стихотворение? – сказала Настя. – Только... это стихотворение не на тему «Восьмое марта». А просто про природу, про берёзку.

– Давай, читай! – захлопали девчонки, чуть оживившись.

– Конечно, давай про берёзку, – улыбнулась Елена Николаевна. – Ведь весной все березы распускаются, не так ли?

Настя вышла на середину класса и, чуть волнуясь, начала.

Класс будто преобразился. Первую минуту все сидели, затаив дыхание. Перед глазами ребят, уже уставших от праздника, возникли яркие картины летнего вечера, тихого ветерка и белой берёзки над рекой. Настя начала будто бы неуверенно, но по мере того, как она читала, в её голосе звучало всё больше и больше выразительности, тонкости и нежности. Когда ребята пришли в себя от того прекрасного состояния, которое вызвало у них стихотворение, они бурно захлопали.

– Хорошее стихотворение, – закричали ребята. Такое родное, красивое... Кто его написал, скажи?

– Да, Настя, кого ты сейчас нам прочитала? – спросила Елена Николаевна, тоже потрясённая услышанным. – Что-то я не помню таких стихов ни у одного из известных поэтов.

– Это мой друг сочинил, – как бы невзначай, сказала Настя. – Мой знакомый.

Вот это да! Сколько ребята учились вместе с Настей, а даже и не подозревали о существовании поэта, с которым дружит их одноклассница. Тут же на Настю посыпались вопросы.

– А как его зовут, этого поэта?

– А сколько ему лет?

– А где он учится? Или он уже не учится?

– А ты с ним давно дружишь? Расскажи, Настя!

Вокруг девочки мигом образовалась толпа.

– Это всё секрет, – сказала Настя и лукаво оглянулась.

– А ты нам ещё прочитаешь стихотворения этого твоего друга-поэта? – спросила Елена Николаевна. – У него много стихов?

– Конечно, прочитаю, – улыбнулась Настя. – Только потом, ладно? В следующий раз, а стихов у этого поэта много, хотя он ещё учится в школе...

С тех пор каждый раз в 7 классе урок у Елены Николаевны начинался с чтения Настей стихов её друга-поэта. Стихи были чудесные: в них говорилось о красоте природы, о закатах и рассветах, о морозной зиме, солнечном лете и нарядной осени, да и о многом другом. Весь класс любил эти стихи, они были какие-то трепетные, возвышенные и в то же время очень простые. Только одно интересовало всех ребят и Елену Николаевну: Настя почти никогда не говорила о своём друге-поэте, и всё оставалось для ребят тайной, как они её ни допрашивали. А март тёк своей бурной жизнью, и всё новые стихи звучали в 7 классе от Насти, которая читала произведения своего поэта. Среди стихотворений было кое-что и намного лучше «Берёзки», но почему-то именно «Берёзка» запала всем в душу, и ребята – даже самые шалопаи из 7 класса – просили снова и снова прочитать Настю это чудесное стихотворение.

Однажды Елена Николаевна позвала к себе Настю и сказала:

– Настя, а ты не могла бы пригласить поэта к нам в школу на классный час? Если, конечно, он сможет.

– Нет, что вы, – сказала поспешно Настя, словно не ожидавшая такого вопроса. – Дело в том, что у него очень много дел, он ведь учится в 9 классе, а там столько задают!

– Это верно, – подтвердили ребята. – Там ведь столько всего надо готовить к урокам! А в какой школе он учится? Только скажи нам, в какой школе! Ну, Настя!

– В 85-й, – сказала Настя. – Но он всегда занят. Он же поэт, у него совсем нет свободного времени.

– И это правда, – сказала Елена Николаевна. – И всё-таки мы надеемся, что ты нас когда-нибудь с ним познакомишь!

А стихи загадочного поэта продолжали удивлять Настиных одноклассников.

Как-то раз к Насте на большой перемене подбежал Володя – организатор коллективных дел всей школы. За ним, как всегда, бежал Ёжик – рассеянный и глуповатый мальчишка, который всюду следовал за Володей. Он был странным и всегда болтал без толку и так быстро, что никто его никогда не понимал. В то же время Ёжик всё время хотел, чтобы на него обращали все внимание, поэтому он всегда вёл школьные концерты, организованные Володей. Володя его не прогонял: он знал, что хоть Ёжик и бестолковый, и болтливый, ведёт концерты он оригинально и необычно и в нужный момент всегда берёт себя в руки. Волосы у Ёжика всегда стояли торчком, как бы он их не причёсывал – за это, собственно, он и получил такое прозвище.

– Настя, – сказал Володя. – До нас дошли слухи, что ты дружишь с одним поэтом. Понимаешь, мы хотели сделать стенгазету, куда и думали поместить несколько стихотворений этого поэта, если он, конечно, не будет против. Ведь у него же красивые стихи?!

– Слушай, Настя, – вставился Ёжик. – Мы приходим на днях, ах вы сени мои сени, заходим в учительскую и советуемся, как же нам оформить газету. А нам и говорят: вот Настя из 7 класса знает тако-о-ого поэта, у которого таки-и-ие стихи, что просто класс! Вот мы и пришли к тебе. Дашь нам что-нибудь прочитать из последнего?

– Нет, конечно, он против не будет, – сказала Настя, улыбнувшись глазами. – Он ведь сам очень добрый, как и его стихи. А хотите, я вам сейчас сама прочитаю что-нибудь?

– Давай, давай, – загалдел Ёжик.

Через пять минут Ёжик скакал вокруг Володи и кричал: «Супер! Вот так поэт! Вот это стихи!»

– Успокойся, Ёжик, – говорил Володя, но по его голосу было слышно, что и его стихи тронули.

На другое утро Настя принесла целый сборник стихотворений, который отдала Володе и Ёжику. Мальчики с удовольствием взяли сборник, ушли было, но очень скоро оба вернулись.

– Извини, Настя, мы забыли у тебя узнать имя и фамилию этого поэта! – сказал Володя. – Вот что стихи с нами делают!

Забываешь обо всём на свете.

– А это обязательно, имя и фамилию? – вдруг спросила Настя. – А, может, лучше чтобы так?

– Что так? – затараторил языком Ёжик. – Как же, такие чудные стихи и без автора? Тут, ах вы сени мои сени, такой номер не пройдёт. Тут нужно авторство, если только так можно выразиться.

– Конечно, нужно, – успокаивая Ёжика, рассудительно сказал Володя. – Все ведь будут читать эту стенгазету и будут думать, кто это написал. Есенин, Бунин? Ан нет, это наш местный поэт, да ещё и девятиклассник! Так что ты нам сообщи, пожалуйста, его фамилию и имя.

– Что ж, поэта зовут... Евгений Огоньков, – опять как-то растерянно сказала Настя, будто замявшись. – Евгений Огоньков, ученик 9 класса 85-й школы.

Вскоре в главный коридор школы, по которому проносятся все ребята от мала до велика, торопясь в свои кабинеты на уроки, вывесили красочную газету со стихами Евгения Огонькова. Вокруг газеты миглом собралась толпа школьников и даже учителей.

«И он нигде до сих пор не печатается?» – удивлялись все. – Настя, что же ты не посоветуешь ему это?

Скоро стихи Огонькова знала вся школа. К Насте даже все стали как-то по-особому относиться. «Подруга поэта» – так её окрестили в школе. Нет, никто и не собирался её как-то обзывать – напротив, её вдруг все стали уважать. Перед ней открывали дверь, ей первой подавали дежурные курточку в раздевалке. Впрочем, скоро и курточка-то уже не потребовалась: наступила настоящая весна. Евгений Огоньков был в сознании всех ребят, кто читал его стихи, особой тайной, ведь никто о нём ничего не знал, кроме того, что он девятиклассник и учится в 85-й школе. Поэтому все даже немного завидовали Насте, она ведь не только знает больше остальных об этом поэте-девятикласснике, а дружит с ним! Наверно, он ей только и читает вечерами свои стихи... Всех, особенно девчонок, распирало любопытство. Они понимали, что от Насти, кроме загадочной улыбки, ничего не дожидаться, и липли к Володе, Ёжику и даже Елене Николаевне – как будто они что-то знали. Но те только плечами пожимали. Даже Ёжик, который в подобных случаях начинал распускать самые невероятные сплетни, только хмыкал носом. Все, конечно,

сгорали от нетерпения увидеть хоть краем глаза этого поэта.

Как-то раз, за две недели до выпускного, уже в мае, к Насте снова подошёл Володя. Ёжик был уж тут.

– Знаешь, Настя, что мы решили, – торжественно сказал Володя. – Мы от лица школы решили пригласить Евгения Огонькова как почётного гостя 25 мая на вечер, посвящённый как раз концу учебного года.

– Нет-нет, он не сможет, – замахала руками Настя. – У него выпускные экзамены, некогда!

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

– Неужели он такой занятой? – удивился Володя. – Знаешь, Настя, если ты ему не передашь наше приглашение или принесёшь от него отказ, мы сами поедem к нему в 85-ю школу, признаемcя ему от нашей школы в читательской любви и сами, хоть на такси, привезём к нам в школу. Его стихотворение про берёзку, которое восхитило всю нашу школу, должно в исполнении автора открыть торжественный вечер.

– Ладно, я ему передам, вы только не ездите к нему! – сказала Настя. – А то школа большая, вы его не найдёте.

– Пусть приезжает, – сказал Ёжик. – У меня нигде не печатался ещё, я ему предложу, ах вы сени мои сени, думаю, он обрадуется. Передай ему от нас приглашение и завтра скажи нам, приедет он или нет.

На другой день Ёжик чуть свет подбежал к Насте.

– Ну что, приедет? – загалдел он. – Сразу говорю, если ты его не уговорила, мы сами за ним приедem и привезём на праздник.

– Приедет, приедет, – сказала Настя. – Я ему всё сказала, он будет очень рад прийти к нам в гости.

– Ур-ра! – закричал Ёжик. – Наконец-то мы познакомимся с настоящим, живым поэтом!

– Настя, значит, всё начнётся в 18 часов, но ты пригласи Евгения Огонькова пораньше, – сказал бодрым тоном подошедший Володя. – Мы у него возьмём интервью для нашей школьной газеты. А в шесть вечера попросим, чтобы он открыл праздник своим стихотворением про берёзку. Хорошо? Значит, 25 мая.

– Двадцать пятого... – задумчиво сказала Настя. – В мой День рождения. Я ему всё передам он придёт вовремя.

– Вот и чудно, – засиял Володя. – И это будет подарок тебе и всем нам.

Настя радовалась, но всё равно по её лицу было заметно, что она будто бы в глубине души не совсем рада тому, что её друг-поэт придёт ко всем на последний звонок. Или она была чем-то обеспокоена.

До двадцать пятого числа от Насти буквально не отходили. И третьеклассники, и пятиклассники, и даже ученики и ученицы более старших классов задавали всё новые и новые вопросы Насте.

– А он точно приедет?

– А какие он любит цветы?

– А он нам даст свои автографы?

– А он как, вообще, симпатичный?

Наконец, наступил долгожданный день. Учебный год практически закончился, у всех было уже летнее, отдыhательно-гулятельное настроение. Годовые контрольные позади, оценки выставлены, и ребят ждут – не дождутся летних каникул. Ласковое, совсем летнее солнце глядело в окна всех кабинетов, веяло сиренью. Какая уж тут учёба! Тем более, что вечером будет большой праздник и наконец-то все увидят поэта Евгения Огонькова!

Настя с самого утра пришла необычайно нарядная – в белом платье и с большими розовыми бантами. С раннего утра на неё сыпались поздравления.

Ёжик весь день крутился вокруг 7-го класса. Он волновался, ведь вести сегодняшний вечер, а, значит, и представлять поэта, будет он. Володя тоже сегодня весь день был в предпраздничной суете: он проверял, готов ли зал к празднику, оборудование и даже всякие

мелочи, которыми он руководил. Видя, как Ёжик весь день жеманно глядел на себя в зеркало и что-то деликатно бурчал, Володя только снисходительно усмехался. Понятно, что Ёжик стремился выглядеть так, чтобы сразу понравиться поэту.

За два часа до начала вечера, в 16 часов в школе уже царил суматоха. На пороге школы стояли две колонны семиклассниц, которые держали в руках букеты сирени, тюльпанов и нарциссов. Они сговорились, завидев ещё издали, как поэт подъезжает на белом Мерседесе (на чём же он ещё может подъехать?), хором закричать «Добро пожаловать, Евгений Огоньков!»

По коридору стояли младшие школьники с плакатами, нарисованными от руки: «Добро пожаловать к нам», адресованные поэту, который должен будет пройти по коридору.

В актовом зале тоже была кутерьма: Володя, как главный организатор вечера, проверял, работает ли аппаратура, действуют ли микрофоны и готовы ли к выступлению артисты. Ёжик в парадном костюме с огромным оранжевым галстуком носился по сцене, отдавая в воздух распоряжения:

– Начать мероприятие! Итак, я всех приветствую! Ах вы сени, мои сени, то есть, добрый вечер! – обращался он в пустой зал.

Понятное дело – Ёжику хотелось успеть везде: и похвастать своим галстуком, и прорепетировать свою роль и, конечно, встретить поэта.

Однако время шло, а белый Мерседес не подъезжал. Семиклассницы с цветами, стоя у входа, начали нервничать: ну

где же он? В половине пятого Ёжик сам выскочил на порог школы: с минуты на минуту должен был прибыть почётный гость и Ёжик, кроме того, как провести его в зал, должен был взять у него интервью для школьной стенгазеты. Но время шло, а поэта не было.

– Ну где же он? – кричал Ёжик, бегая от входа до актового зала. – Уже пять.

– Да придет поэт, успокойся ты, – сказал Володя. – Мало ли у поэта какие дела, задерживается человек.

– А, между прочим, опаздывать нехорошо, ах вы сени мои сени, – сказал, моргая Ёжик. – И даже поэту. Вот я, скажем, должен брать у него интервью. А его нет, ах вы сени мои сени!

Поэт не приезжал. Кроме того, в половине шестого обнаружилось, что куда-то пропала Настя. Семиклассницы с букетами недоумённо прибежали к Володе, который устанавливал декорации в зале и вместо Ёжика, куда-то снова убежавшего, отдавал последние распоряжения монтажникам.

– Так разыщите Настю, пусть она позвонит Евгению Огонькову, – сказал Володя. – Может, что-то случилось, раз он не едет.

Девчонки вмиг разбежались по школе: Насти не было. «Дежурные» у дверей, всё ещё ожидавшие гостя, сообщили, что Настя из школы не выходила, и вообще её что-то давно не видели. Поиски Насти продолжались. Девочки обошли все кабинеты, коридоры и лестницы и, наконец, нашли её в библиотеке. Настя сидела за толстой пачкой книг, словно спрятавшись за неё, и что-то увлечённо читала.

– Что ты тут делаешь? – удивлённо спросили девочки.

– Знаете, книга попала такая интересная... Очень увлеклась, – сказала Настя, чуть побледнев.

– Поэт Огоньков до сих пор не подъезжал, а ты тут сидишь! Через полчаса, даже меньше, выступление, которое он должен открыть. Слушай, Настя, может он не нашёл школу или заблудился? Ты бы вышла, посмотрела, не остановился ли он где-нибудь у школы? Да, кстати, тебя Володя зовёт в актальный зал.

Когда Настю девочки привели в гримёрную актального зала, там Ёжик уже прыгал от нетерпения.

– Ну где он, твой Огоньков? Долго ещё ждать?

– Настя, может, с ним что-то случилось? – обеспокоенно спросил Володя, обратив внимание на какой-то странный вид девочки. – Ты бы ему позвонила. Может, он в пробке, мало ли что!

У тебя есть номер его сотового?

– Нет, то есть... телефон есть, только он у него сломался, так что не получится связаться, – опустив глаза, сказала Настя.

– Вот уж действительно ах вы сени мои сени, – сказал Ёжик и вышел на сцену, где в зале уже начал собираться народ.

Володя ушёл за ним – оставались последние мелочные приготовления...

Когда Володя заглянул в гримёрную, оставалось всего пять минут до торжественного начала вечера, он увидел, что Настя сидит в какой-то странной позе, накрыв лицо руками.

– Настя, что такое? – на бегу спросил он. – Ты нездорова? Или вправду что-то случилось с Евгением Огоньковым?

– Володя, Евгений Огоньков не приедет, – потупив взгляд, сказала Настя. Её два розовых банта чуть шевельнулись. – Не приедет потому, что такого поэта... не существует. Да, не существует. Я сама его придумала, понимаете? И ни в какой 85-й школе он не учится, я его придумала сама...

Володя остановился и недоумённо пожал плечами.

– Значит, ты всё это время нас обманывала? – строго спросил он.

– Обманывала...

– Ну это, знаешь, – Володя отвернулся от девочки, – это гадко, подло и вообще не поддаётся объяснению. А я-то думал, что ты порядочная девочка...

И вдруг Володя встрепенулся.

– Постой, – сказал он. – Так если никакого Евгения Огонькова не существует, кто же тогда сочинил стихотворение про берёзку и остальные стихи?

– Я сама и сочинила, – тихо сказала Настя. – Я давно сочиняю стихи, просто я никому не говорила это, потому что боялась, что надо мной будут смеяться.

Володя вскочил.

– Настя, да ты гений! – закричал он. – Ты талант! Да ты вообще представляешь, какая ты способная! Такие стихи написать! И ты молчала!

Тут Настя взглянула на часы.

– Шесть, – прошептала она, глядя на Володю, который чуть было не схватил её на руки и не подбросил к потолку, – пора начинать. Как же быть?

– Выход есть, – сказал Володя. – Сейчас ты сама должна будешь выйти и прочитать своё стихотворение про берёзку.

– Нет-нет, – испугалась Настя. – Я же не умею выступать перед публикой, да и вообще я что-то не в форме...

Тут в гримёрную заглянул Ёжик. Он весь блестел от восхищения.

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

– Ну что, подъехал поэт? – спросил он галантно. – Зал уж полон, ложи блещут. Одним словом, пора начинать.

– Всё будет улажено, – сказал Володя, после чего Ёжик кивнул, скрылся за занавеской и вышел на сцену.

– Настя, ты сможешь! – сказал ей Володя. – Выходи, зал ждёт!

Девочка осторожно вышла из-за кулис. И вдруг весь зал ей заплодировал. Все хлопали и радовались Насте так, что в зале стоял гул. Володя выглядывал из-за занавески и мысленно подбодрял Настю. Ему казалось, что она не вышла на сцену, а выплыла, словно лебедь. Стройная, как берёзка из её стихотворения... Как только Настя начала читать, зал утих. Все слушали уже до боли знакомое стихотворение с открытыми ртами, затаив дыхание. И голос Насти нежно и выразительно плыл по залу, принося с собой запах летнего вечера, сирени и какой-то тихой счастливой сладости.

Когда Настя закончила чтение, все в зале так и остались с открытыми ртами. Потому что Володя, который сиял от восхищения, громко сказал в микрофон:

– Сейчас ученица седьмого класса Настя прочитала своё собственное стихотворение.

И тут зал взорвался. К ногам Насти полетели цветы, приготовленные для Огонькова. Шум не стихал. Настя стояла, чуть смущаясь, Володя жал ей руку. Ёжик, по-видимому, ничего не понимая, носился вокруг сцены, приговаривал «ах вы сени мои сени».

Сквозь толпу пробиралась Елена Николаевна.

– Настя, что же ты раньше молчала, что это ты? Я... восхищена тобой!

По залу разносились хоровые крики:

– На-стя, Нас-тя!

А Володя, когда крики стихли и вечер продолжился уже другими номерами, подозвал Настю к себе в гримёрную и сказал:

– Поздравляю. Ты – гордость школы!

И добавил:

– С Днём рождения, Настя!

Трудная задача

Однажды вечером второклассник Павлик пришёл домой с прогулки. Он сбросил куртку, взял портфель и, достав из него учебник, сел делать уроки.

– Давай, давай, делай уроки! – командным тоном сказал Саша, старший брат Павлика, который уже давно сделал уроки и играл в компьютер. – Сколько можно гулять! Ну-ка давай-ка за уроки.

– А давай-ка без давай-ка, – весело сказал Павлик и открыл задачник по математике.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина, потом послышалось кряхтенье и пыхтенье Павлика.

– Ну, что ещё там у тебя? – спросил Саша.

– Да вот, задачка не решается. Саша, помоги мне её решить, а?

– Вот ещё, – сказал Саша. – Ты даже и не думал над задачей. Давай-давай, только трудом и упорством добьёшься хорошего результата. Помнишь, что папа говорил? Терпенье и труд всё... перепилят, перережут... Так что, не стони.

– Да просто задача трудная попалась, – застонал Павлик.

– Задач трудных не бывает, бывают трудные дети, – строго сказал Саша, продолжая играть в компьютер. – Знал бы ты, какие у нас в седьмом классе трудные задачи! У нас всякие миллиарды, сикстилиарды и вообще такая мура, то есть я хотел сказать труднюга... трудяга... Короче, ты всё равно этого не поймёшь, маленький ещё. Ну давай свою задачу, я решу её за десять секунд.

Довольный Павлик спрыгнул со стола и уступил место Саше.

– Какая задача? – спросил Саша, глядя в учебник.

– Вот эта! – показал Павлик, готовый уже убежать.

– А ты смотри, как я буду решать, чтобы в дальнейшем решать аналогичные задачи, – сказал Саша, читая текст задачи. «Семь одинаковых шоколадок стоят 35 рублей. Сколько стоит пять таких шоколадок?»

– Это же элементарная задача! – сказал Саша. – Стыд и срам такую не решить. Значит, стоимость одной шоколадки берём за «х» и составляем уравнение...

– А ты мне купишь завтра настоящую шоколадку? – спросил Павлик.

– Да куплю, куплю, – сказал Саша. – Вот и уравнение тебе к задаче: « $5x+7x=35$ ». И чего тут не знать? Сейчас посчитаем. $5+7=12$. Значит, $12x=35$, из этого следует, что чтобы найти стоимость одной шоколадки, надо 35 разделить на 12. И всё.

– А сколько будет 35 разделить на 12? – спросил Павлик.

– 35 на 12, ммм... – промычал Саша. – Не делится что-то. Вот если было б 36! Там в задачнике точно 35, а не 36?

– Точно, – подтвердил Павлик.

– Н-да, что-то тут не так, – нахмурил лоб Саша.

– Ага, а говорил, что за десять секунд решишь! – радостно закричал Павлик.

– И решу, не мешай только.

Павлик отошёл в сторону, а Саша продолжал решать, только вместо решения ему в голову лезли какие-то ну совсем посторонние мысли. Он стал думать, в какой такой сказочной стране составлялся этот задачник, раз у них семь шоколадок стоят 35 рублей, когда у нас столько стоит одна шоколадка. Потом Саша решил, что это, наверно, совсем маленькие шоколадки, о которых говорится в задаче, размером с конфету.

– Ну что, решил? – спросил Павлик.

– Слушай, если ты мне будешь мешать, то я тебе никогда её не решу, – сказал Саша, пялясь в учебник.

Время шло. Задача не решалась.

«Может быть, попробовать системой уравнений?» – подумал Саша. – Тогда система будет выглядеть так: первое уравнение $5x+7y=35$, второе $x+y=5$. Так ли только? А может, « $x+y$ » будут равны семи? Вот наваждение!

Тут в комнату вошёл папа.

– Что-то ты сегодня, Саша, долго делаешь уроки, – сказал он.

– Да вот, задачу решаю, – буркнул Саша. – Павлик попросил помочь, вот что-то решить не могу.

– Что? – не можешь решить задачу для второго класса? Это же позор, Саша! А дорос до седьмого. Стыдоба!

– А ещё говорил, что решит эту задачу за десять секунд, – сказал Павлик, попрыгивая от радости.

– Я же не виноват, что задача в твоём учебнике в самом деле какая-то бестолковая, – стал оправдывать Саша.

– Задач бестолковых не бывает, бывают бестолковые ученики, – сказал папа. – Ну, показывайте мне вашу задачу, мигом решу. Я ведь всё-таки когда-то институт заканчивал.

Папа открыл задачник и стал читать задачу.

«Семь одинаковых шоколадок стоят 35 рублей. Сколько стоит 5 таких шоколадок?»

Тут у папы зазвонил телефон.

– А, Михал Сергеич? – закричал в трубку папа. – Как поживаю, спрашиваешь? Отлично! Всё здорово. А как ты? Что?

Конечно, хочу на рыбалку. Когда? Давай на выходных. Ну давай, бывай здоров.

Папа положил трубку.

– Ну что, поедете со мной на рыбалку? – весело сказал папа. – Дядя Миша приглашает. На лодке, с ветерком! От-такую щуку поймаем!

– Пап, ты задачу решай, – сказал Павлик.

– А, ну да, задача. Я и забыл совсем. Итак, на чём мы остановились? На шоколадках. Так она не трудная, задача-то твоя. Тут интегралы посчитать надо. Сейчас через производную каждого выражения посчитаем интегралы. Так, так... Странно, что-то не получается.

«Завтра ожидается дождь, а к воскресенью нас ждёт потепление и осадки прекратятся», – послышался голос из радио.

– Это здорово, – сказал папа. – Значит, рыбалка будет удачной. Помнишь, Павлик, какого мы судака словили в прошлый раз? Так на чём же мы остановились? С интегралом не получается, не беда, сейчас дифференциал посчитать попробуем. Когда-то я это всё как орешки щёлкал.

Время шло, задача не решалась.

– «Чемпионат «Шинник против Динамо» закончился поражением «Шинника», – послышался голос из радио.

– Ах они такие-сякие! – закричал папа. – Я так болел за «Шинник»!

– Папа, ты так никогда не решишь задачу.

– Да решу, решу. Вот видите, весь листок уже дифференциалами исписал. Странно, что-то не получается. Может, я вместо производной первообразную подсчитал? Не беда, сейчас по теории вероятности попробую решить, воспользуюсь дистрибутивным законом. Так, так... А вот тут воспользуюсь правилом импликации.

Неизвестно, какое бы ещё правило вспомнил папа, если бы в комнату не вошла мама.

– С ума сойти, – сказала она. – Втроём весь вечер одну задачу решают. И что это такое трудное задают во втором классе? Надо будет сходить к учительнице, сказать, что нельзя так детей загружать.

Мама глянула в папин листок.

– Что это? – спросила она, выпучив глаза.

– Да вот, решение задачи, – сказал папа. – Говорю, тут что-то не так. Верно, в задачнике ошибка.

– Что? Интегралы? – спросила мама. – Они что, с ума сошли там в школе, олухи царя небесного, второклассникам задачи с интегралами задавать? Серёж, насколько я помню, мы такое в институте проходили! Нет, я завтра же пойду разбираться в школу. Дайте-ка мне хоть их учебник почитать. Которая задача?

Мама взяла учебник.

– Что-то я тут никаких интегралов не вижу, – заметила она.

И тут вдруг мама захохотала.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил папа, ничего не понимая.

– А то, что это вы – олухи царя небесного, – сказала она. – Задача-то элементарная и решается без всяких интегралов и дифференциалов. Если семь одинаковых шоколадок стоят 35 рублей, то одна – в семь раз дешевле, то есть 5 рублей. А пять таких шоколадок – ровно в пять раз дороже, то есть 25 рублей. И всё!

На минуту в комнате наступило молчание.

– И вправду, – сказал папа. – Чего же я так долго над ней думал?

– Н-да, – сказал Саша. – А я не думал, что всё так просто.

– Что ж, после такого серьёзного умственного труда надо, как говорил Винни-пух, основательно подкрепиться, – сказала мама. – У меня как раз ужин готов. И чай с пирогом.

Вот так закончилось решение трудной задачи. А, может быть, в самом деле, трудных задач не бывает? Интересно, что по этому поводу думает читатель?

Февральские облака

– Всё сейчас выскажу его маме, всё, что о нём думаю, – говорила про себя Светлана Павловна, направляясь домой к своему ученику Васе, шалопаю и бездельнику, как накануне решили все учителя школы.

Сколько раз ей, Светлане Павловне, говорили друзья и знакомые: «Да брось ты, ну какой из тебя педагог?» Нет, Светлана Павловна не послушалась и поступила-таки в педагогический университет и, более того, закончила его почти с отличием. И уже пять с половиной месяцев проработала она в школе – с большим удовольствием шла работа, но и, конечно, с большими трудностями.

Ученик 6 «б» Вася всегда был учеником «не из лучших» и творил в школе всё, что ему только было не лень. А все шишки, как это всегда и случается, валились на классного руководителя – Светлану Павловну. А на последней неделе Вася и вовсе отличился тем, что совершенно перестал делать домашние задания, причём сразу по всем предметам. Во-вторых, Вася, перестал работать в классе, если, конечно, не считать работой рисование в тетради рожиц и каких-то «крутых» выражений. А когда учителя ему делали замечания, он только глупо и зло усмехался и продолжал делать своё дело.

Светлана Павловна, хоть ещё совсем была без педагогического опыта, чувствовала, что здесь что-то не так просто; ей казалось, что Вася просто назло всё это вытворяет. Не то назло учителям, не то назло себе.

Светлана Павловна не умела кричать на детей – впрочем, она понимал, что это непедагогично и делать этого не стоит. Но беда была в том, что она даже не могла строго сделать замечание какому-то расшалившемуся ученику. Поэтому многие дети её и за учительницу-то не особо принимали, тем более, этот Вася.

Да, сначала Светлана Павловна ему поставила «двойку» по своему предмету – географии, да, после этого написала замечание в дневник, да, пристыдила при всём классе, но толку-то!

Дело дошло до того, что, когда на перемене завуч школы, не выдержав, за что-то прикрикнула на Васю, тот показал ей язык и убежал. Оторопевшая завуч пошла и слила все

свои эмоции на бедную Светлану Павловну, и после этого молодая учительница географии решила идти домой к этому Васе и высказать все его маме.

Чем ближе Светлана Павловна подходила к дому, где жил Вася, тем твёрже становилась её воля, и тем живее она представляла предстоящую встречу с мамой шестиклассника. Она представляла, как войдет сейчас в квартиру Васи и с холодным и официальным видом скажет Васиной маме:

– Анна Григорьевна, я к вам по поводу учёбы и поведения вашего сына.

Что бы после этого ни произошло, как бы ни отреагировала на это Анна Григорьевна – Светлана Павловна продолжит тем же тоном:

– Я писала замечание в дневник, но оно было вами проигнорировано. В этом случае от лица школы я вынуждена сказать, что за прошедшую неделю ваш сын не сделал ни одного домашнего задания, я не увидела у него ни одной классной работы и мне поступили сообщения от других педагогов о его вызывающем поведении...

Светлана Павловна вошла во двор пятиэтажки, где жил Вася. Теперь она ничуть не волновалась. На дворе стоял февраль, но было так тепло и пасмурно, что пахло чем-то весенним. Может, это был запах тёмных оттаявших деревьев, а может, его нанесло уже с загородных лугов, где уже показалась из-за снега прошлогодняя солома. Невольно, лишь на секунду, Светлана Павловна взглянула на небо и увидела, что сквозь пасмурную февральскую дымку кое-где всё-таки просвечивает солнце.

Но вот Васин подъезд. Ну, берегись, Вася!

Ещё поднимаясь по лестнице, Светлана Павловна услышала какой-то весёлый шум и суматоху, доносящуюся из какой-то квартиры. Светлана Павловна позвонила в дверь и вдруг поняла, что этот шум, гам и музыка доносятся именно из этой квартиры...

«Начну прямо с главного», – твёрдо решила Светлана Павловна, тут же услышав шаги. Дверь открыла Анна Григорьевна.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна, – строго и холодно сказала Светлана Павловна и тут же увидела, что Васина мама сегодня как-то особенно празднично одета. По радостным крикам, доносящимся из комнаты, Светлана Павловна поняла, что в доме ещё кто-то есть.

– А-а-а, проходите, проходите, – радостно сказала Анна Григорьевна, приветливо взяв учительницу за руку.

– Как хорошо, что вы пришли! У меня гости...

Светлана Павловна не успела ничего сказать, как из комнаты кто-то закричал: «Ань, кто это?» В прихожую вышли несколько человек: какой-то мужчина средних лет, две женщины, тоже празднично одетые.

– Познакомьтесь, – приветливо и быстро продолжала Анна Григорьевна. – Это классный руководитель моего Васи!

– Так это замечательно! – закричал мужчина. – Просим к нашему столу!

Вся твёрдость, с которой проговаривала все фразы про себя Светлана Павловна, куда-то исчезла; от неожиданности она вдруг растерялась. К тому же, всё происходило так быстро, что Светлана Павловна даже не успела одуматься.

– Я хотела с вами поговорить по поводу Васи, но так как... – начала Светлана Павловна, обращаясь к маме ученика, но шумные гости её прервали радостными возгласами:

– Да что говорить! Это успеется! Идёмте же скорее к столу, ведь сегодня у Анны Григорьевны день рождения, более того, юбилей!

Всё, что произошло дальше, было словно в тумане. В минуту ока Светлана Павловна оказалась в большой светлой комнате, где за богатым праздничным столом сидели гости. На углу стола сидел её ученик Вася, который вытаращил глаза, явно не ожидая визита учительницы. Тут же он отвёл взгляд. Гости, непрерывно крича и веселясь, вмиг усадили Светлану Павловну за стол, не давая ей сказать ни слова.

– Угощайтесь! – сказала Анна Григорьевна. – Я очень рада, что вы пришли...

– Вообще, почётно, что такая молодая девушка как вы пошла в учителя, – похвалила Светлану Павловну одна гостя. – Нынче молодёжь совсем другим интересуется, всё к деньгам цепляется.

– Да учителем быть – это вообще здорово, – подхватил кто-то. – Вот кем я только не был за свои уже сорок с лишним лет: и баянистом, и строителем, и даже зубным врачом, а вот учителем не был. Может, ещё всё впереди, а?

Светлана Павловна осознавала, в какой нелепой ситуации она оказалась. Было понятно, что эта тщательно подготовленная беседа не состоится. Теперь она мечтала только о том, чтобы поскорее уйти отсюда. Компания оказалась уже подвыпившей, и поэтому она были готовы веселиться всему и без повода.

– А знаете ли вы, какой прекрасный человек наша Анна Григорьевна? – наперебой закричали гости. – Честно говорим, передовой работник в нашей страховой компании.

– А какой чуткий, отзывчивый, внимательный она человек, какой добрый!

– И книги читает, и даже у нас в «Самодеятельном клубе читателей состоит». Вот мы позавчера там «Преступление и наказание» разбирали. Как вы, кстати, к Достоевскому относитесь?

– Серьёзная литература, – почему-то несмело сказала Светлана.

– Ну вот и мы про тоже! А готовит наша именинница как! Вы обязательно попробуйте этот пирог – хозяйка сама пекла!

Теперь уже Светлане Павловне ничего не оставалось делать, как отведать пирога. Она украдкой поглядывала на своего ученика, иногда встречаясь с ним взглядом. «Вот взять бы и рассказать всё про тебя», – с лукавством подумала Светлана Павловна.

Гости словно прочитали её мысли.

– А сын-то какой славный у Анны Григорьевны подрастает! Внимательный, старательный, смелый... Настоящий защитник в будущем. Что ж вы не расскажете про своего ученика? Наверно, и учится он хорошо, не так ли?

Как захотелось Светлане Павловне в эту минуту провалиться сквозь землю и оказаться где-нибудь с другой стороны земного шара!

– Ну... так себе учится, – замявшись, начала Светлана Павловна. – Конечно, нельзя сказать, чтобы...

– Да он вообще славный мальчуган! И сильный и смелый, и за себя, и за других постоять может. Вы бы видели, Светлана Павловна, как он мяч гоняет! Первый вратарь во дворе!

Светлана Павловна раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но вдруг, оглядев гостей, которые ждали от неё ответа, произнесла совсем не то, что хотела сказать.

– Да он старательный. И сильный, и смелый. За кого угодно постоять может, это вы верно заметили. Пусть не всё у него получается, но ... он старается, работает и вообще ваш Вася – молодец!

– Он весь в отца, – сказал кто-то из гостей, и на некоторое время вдруг все попритихли.

Светлана Павловна почувствовала, что тут что-то не так.

– Ещё пять лет назад мой муж попал в автокатастрофу, – сказала Анна Григорьевна тихо. – Вася почти с первого класса растёт без отца...

Вася молчал, отвернувшись от гостей.

– Ну что ж, вот так мы и живём, – вздохнув, сказала Анна Григорьевна. – Вася подрастает, мой главный помощник, с ним мне легче справляться с домашними делами и вообще преодолевать жизненные трудности. Да и друзей столько, которые всегда помогут в любую минуту, в любую секунду!

Светлана Павловна взглянула на маму своего ученика и впервые заметила на её лице несколько морщинок, несмотря на то, что Анне Григорьевне было всего 35 лет...

– Вася будет вам замечательным помощником, – заговорила вдруг Светлана Павловна. – Вот увидите, из него выйдет замечательный, достойный человек! Он и сейчас уже многого достиг. Вы... Вы... не думайте, он у вас очень прилежный, очень способный! И учителя его хвалят. Сегодня завуч сказала мне, какой он смысленный, всё на лету схватывает. Говорят, как орешки он задачи щёлкает. Другие-то ребята пока что сообразят, а Вася уже сразу в уме задачу решит!

Остановись, Светлана Павловна, опомнись!

Но учительница продолжала говорить.

– А недавно он к Восьмому марта прекрасную стенгазету нарисовал. Просто... такую радость всем нам, педагогам, сделал!

Анна Григорьевна только руками развела.

– Вася, какой ты, оказывается, молодец! Что ж ты мне про стенгазету-то ничего не рассказывал? Впрочем, это я сама виновата. Всё работа, работа... Нет, теперь специально приду в школу, только чтобы на стенгазету взглянуть.

Вася молчал, уткнувшись лицом в чашку, но Светлана Павловна видела, как покраснели кончики его ушей.

Тут гости стали прощаться.

– Спасибо, дорогая Анна Григорьевна, за стол, за тёплый приём! Ой, давайте я вас провожу, – спохватилась Анна Григорьевна.

– Очень приятно было с вами познакомиться, Светлана Павловна, – каждый из гостей старался пожать руку молодой учительнице.

Наконец, в доме воцарилась тишина, только с лестничной площадки доносились голоса уходящих гостей. Светлана Павловна вернулась в комнату и молча села рядом с Васей.

– Зачем вы... всё это сказали? – глухо проговорил Вася, не поднимая глаз от чашки.

– А ты тоже хорош, – сказала Светлана Павловна. – Как тебе-то не стыдно? Мама у тебя Достоевским увлекается. Слышал, как её друзья хвалили?

– Да стыдно мне, – вполголоса сказал Вася. – И я хочу быть другим, хочу хорошо учиться, но не знаю, как.

– А тут и знать нечего. Берись за ум да учись!

– Да не могу я, ведь я же тупица и бездельник, так все про меня говорят в школе. Зачем вы соврали?

– А ты хотел, чтобы я при всех гостях сказала правду? Интересно было бы всем послушать, как ты в ответ на замечание язык завучу показал. Ничего себе подарочек маме на юбилей!

– Всё равно врать нехорошо.

– Ну прости меня, – Светлана Павловна почувствовала себя какой-то девочкой, как будто она отвечала невыученный урок учителю.

– Если честно, – добавила Светлана Павловна, – я не очень-то и соврала. Ты, действительно, способный и старательный, только ленишься да отвлекаешься на уроках. А так ты очень умный.

– Правда? – глаза мальчика как будто загорелись огоньком. – Вы действительно так думаете?

– Конечно. Помнишь, тогда, ещё осенью, ты отлично мне ответил урок и всю карту выучил? А сочинение перед Новым годом какое написал! Я даже «5» тебе тогда поставила. Возьмись за учёбу, за свой характер. Тогда пятёрки станут более частыми гостями в твоём дневнике.

– А как быть с газетой? – спросил Вася. – Ведь мама теперь наверняка придёт в школу, чтобы посмотреть её!

– Ну что ж... газету придётся нарисовать, – сказала Светлана Павловна. – Слава Богу, до Восьмого марта ещё много времени.

– А если я... не умею рисовать? – спросил Вася.

– А ты не переживай. Я помогу тебе. Девочек, в конце концов, из нашей классной редколлегии подключим. Справимся, будет самая лучшая газета к празднику.

Светлана Павловна понимала, что нужно сказать что-то ещё.

– Ты не стесняйся, если что-то не получится, – сказала она, – обращай за помощью ко мне, да и к другим учителям. По крайней мере, я тебе никогда в помощи не откажу.

– Спасибо, Светлана Павловна! Просто на меня что-то иногда находит, сам не могу понять. Каким-то вредным, что ли, становлюсь. Сам себя не узнаю. Но я исправлюсь, постараюсь. Я прямо сейчас сяду за уроки!

Через несколько минут Светлана Павловна снова шла по февральской улице, и снег уже по-весеннему поскрипывал под её ногами. Светлане Павловне показалось, что она только что познакомилась со своим учеником. Нет, до этого она не знала Васю. То есть, конечно, знала, но другого.

Светлана Павловна снова посмотрела на мягкое февральское небо. По небу неслись какие-то жёлтые предвечерние низкие облака.

«А за этими облаками – солнце, – подумала Светлана Павловна. – А людям кажется, что на улице и пасмурно, и сыро. А на самом деле там, за облаками, уже почти весеннее солнце, которое сейчас с каждым днём будет греть теплее и светить ярче».

Светлане Павловне подумалось, что и Вася (какой он есть на самом деле) до сегодняшнего вечера скрывался за невидимыми облаками. И теперь уже Светлана Павловна не жалела, что когда-то поступила в педагогический институт.

А золотые облака неслись по февральскому небу, словно звали за собой и приглашали в гости весну.

Больше всего Костик из третьего класса боялся прививок. И хотя все ему говорили «Константин, ты ведь уже взрослый!» и всё такое, как только в школу приходил врач с явным намерением сделать прививку, мальчику хотелось бежать на край света. Уж он-то, Костя, на то и взрослый, чтобы знать, что укол – это ого-го как больно. Шуточное ли дело – воткнуть шприц в живого человека? Да ещё и взрослые эти: «Подумаешь, укол! Всё равно как комарик укусит». Ничего себе «комарик»!

Как только в другом конце коридора показывался белый халат врача, у Кости внутри всё леденело, язык переставал двигаться, а лицо бледнело так, что, если бы Костю поставили рядом с коробкой мела, было бы сложно отличить, где Костя, а где мел. Наверно, в этот момент у Кости ещё и волосы вставали дыбом. Жаль, что сам Костя не мог наблюдать это любопытнейшее явление.

Ещё в детском саду, когда ребятам делали прививки, Костя заверещал «А-а-а, бою-у-ушь!» и убежал в спальню, где залез под кровать и просидел там заодно и обед. Только когда ему воспитательница дала «честное слово, что врач ушёл», Костя выбрался из своего убежища, но всё равно вздрагивал от каждого хлопка двери: ему казалось, что это возвращается врач со шприцем. Наконец родители Кости совершили однажды грубую педагогическую ошибку: разрешили ему посмотреть «Кавказскую пленницу», после которой Костя решил, что в следующий раз к нему врач придёт именно с таким шприцем, с каким имел дело Евгений Моргунов.

А в школе Костик и вовсе прославился. Однажды, когда пришёл в школу врач, Костик до того перепугался, что наспех оделся и убежал из школы вон. Вернее, не он убежал, а ного сами его куда-то понесли. Причём Костя так волновался и торопился, что забыл переобуться и убежал в сменной обуви. На улице была зима, и Костя очень скоро обнаружил, что ноги его почему-то мёрзнут, несмотря на быстрый бег. Мигом смекнув, в чём дело, Костя понял, что попал в безвыходное положение, почти как Винни-Пух, который застрял в норе Кролика. В школу возвращаться страшно – там врач со шприцом, а дома бабушка, спросит «почему так рано из школы пришёл». Пришлось Костику слоняться по улицам, подъездам и магазинам. В итоге он всё-таки простудился, а врач, кстати, в тот день приходила вовсе не в его класс и вовсе не для того, чтобы делать уколы.

Короче говоря, Костик согласился бы отправиться в Антарктиду, где одни льдины и пингины, выкупаться в Ниле, где плавают крокодилы, улететь на Луну, но только так, чтобы врач до него ни за что не добрался.

И вот наш герой дорос до третьего класса. Ещё за три недели Костик краем уха услышал, что к ним придёт врач, и начал готовиться к этому Ужасному Дню. С дрожью в руках считал Костик дни до прихода врача, размышляя о том, какой длины будет шприц, куда будут делать укол и, главное, будет ли больно. Вернее, Костя знал, что больно будет, а значит, готовься – не готовься, всё равно не спасёшься. Сперва мальчик вовсе не хотел в этот день идти в школу, он даже решил, что специально в этот день простудится. Накануне Ужасного Дня Костя гулял без шапки, прыгал по лужам и даже пробовал есть сосульку, но не только не заболел, но и почему-то почувствовал себя ещё лучше прежнего.

Ничто не помогало. Делать было нечего. Ужасный День наступил. Перекрестившись, Костик отправился на «смертную казнь». Уже приближаясь к школе, Костик почувствовал, что его сердце не бьётся, а танцует брейк-данс, а ноги не хотят слушаться и уговаривают своего хозяина бежать в противоположном направлении.

Ребята, увидев, что Костя сам не свой, стали посмеиваться. Они давно знали его слабое место и заметили, что уже несколько дней мальчик ходит поёживаясь.

Перед уроками Костя подошёл к классному руководителю, чтобы сдать деньги на обеды, а вместо этого почему-то спросил, во сколько придёт врач.

- Эх ты, Костя, - сказала Анна Юрьевна. – Такой большой, а всё врачей боишься.

- Придётся на тебя карикатуру нарисовать, - сказала Лена, художница класса, рисующая стенгазеты.

- И точно, рисуем! – закричали ребята. – Рисуем, как Костик бежит из школы, а за ним несётся шприц с плёткой.

- Борода вырастет, а ты всё равно бояться будешь?

Однако ни шприц с плёткой, ни борода никакого впечатления на Костика не произвели. Весь первый урок (а это был русский язык) у Костика дрожали руки и ноги так, что тряслась парта. Анна Юрьевна сразу поняла, в чём дело и, едва скрывая улыбку, вызвала его к доске разбирать предложение

«Ученики напишут сочинение». Дело дошло до того, что Костик не смог задать вопрос к слову «напишут».

- «Что сделают», Костя! – укоризненно сказала Анна Юрьевна. – Стыдно не знать такого!

Костик хотел сказать что-то умное, но вместо этого выпалил:

- Конечно, сделают! Сегодня придут врачи и сделают нам прививку!!!

И тут класс взорвался хохотом.

- И вправду рисуем карикатуру «Костя-заяц», - сказал Боря. – И повесим в школьном коридоре. Пусть все видят.

Костя покраснел, потом побелел, потом снова покраснел, потом снова побелел, продолжая при этом трястись.

На математике ребята решали задачу про двух мастеров, каждый из которых делал ребятам игрушки. Костя изо всех сил пытался решить задачу, но в его голове почему-то возникли два врача в белых халатах, которые делали ребятам прививки.

Но самое страшное случилось на перемене, когда, спускаясь в столовую, Костик лицом к лицу столкнулся с медсестрой, которая всё время делает уколы. Медсестра шла не одна, а с завучем школы.

- Ну, значит, на этой перемене первому сделаем, а третий мы, пожалуй, возьмём с урока, - деловым и решительным голосом проговорила медсестра.

Костик мигом понял, что они собираются делать, а вместе с тем понял, что у него пропал аппетит. Более того. Руки у него тряслись до того, что бедный Костик расплескал весь чай, вместо того, чтобы его выпить. С трудом съев пирожок, Костя поперхнулся чаем и пошёл в класс готовиться к верной смерти.

Он побежал было на второй этаж, как вдруг увидел, что у лестницы на скамейке сидит какая-то маленькая девочка и испуганно жмётся к стенке.

- Ты чего тут сидишь? – спросил мальчик.

- Там врач, - еле слышно сказала девочка. – Весь класс у нас на прививку ушёл.

- Ну а ты?

- Я боюсь. Будет больно.

Звонок на урок уже прозвенел, и шумные ребята разбежались по кабинетам. Где-то около комнаты врача толпились первоклассники – оттуда доносились их голоса.

- Я боюсь, - продолжала девочка. – Меня сейчас Марья Павловна ругала, заставляла идти ко врачу. Но я не пошла. А тебе что, не страшно?

Костик понял, что попал в самую нелепую ситуацию, которую только можно представить. Не говорить же первокласснице, что он тоже боится!

- Вот ещё, - небрежно сказал Костик, покашливая. – Что я, трёхлетний ребёнок, чтобы бояться? Делать мне нечего!

Девочка молчала, потупив взгляд. Было видно, что ей очень-очень страшно.

Костик сам не знал, почему, но он понял, что уйти сейчас и бросить маленькую девочку в этот момент как-то неловко. Он стоял и переминался с ноги на ногу, не зная, что предпринять.

- Да ты не бойся, - сказал Костик так же небрежно. – Подумаешь – укол!

- Да, не больно! – плаксиво сказала девочка. – Так все говорят, а на самом деле больно.

И тут Костя понял, что надо действовать решительно.

- А ну-ка пойдём, - мальчик взял её за руку. – Я тебя сам отведу ко врачу.

- Пусти! – закричала девочка и стала вырываться. Костик рассердился.

- Ну и ладно, - буркнул он. – Очень-то мне охота возиться с тобой!

Он уверенно зашагал вперёд. Вот ещё, больно нужно беспокоиться из-за какой-то первоклассницы! И пусть тут дальше сидит и боится.

Костик вернулся в кабинет. Он получил выговор за то, что снова опоздал. Мальчик пытался заняться делом, но стал почему-то думать о той маленькой девочке, которая осталась одна-одинёшенька в коридоре. Значит, она там так и сидит на скамейке?

Вдруг у Костика мелькнула мысль: а что, если девочке так и не сделают прививку и она заболит опасной болезнью.

Костя не выдержал и поднял руку.

- Ну что опять не так, Костя? – спросила учительница. – Мало того, что сегодня весь день чудишь, так ещё и на урок опаздываешь. Вот и снова руку тянешь.

- Мне нужно выйти, - выпалил Костя.

В классе послышались смешки.

- Со страху, - сказал кто-то из ребят. – У кого есть фломастеры? Пора начинать портрет Кости-зайца рисовать.

Костик бросился к лестнице, девочка сидела на том же месте.

Увидев его, она хотела бежать.

- Да не бойся, не поведу я тебя ко врачу, - сказал Костя.

- А... зачем ты сюда пришёл?

- Ну не могу же я тебя одну тут оставить! Тебе же скучно. Давай о чём-нибудь говорить.

- Ничего мне не нужно, иди!

- А я, между прочим, по делу к тебе. Я хочу тебя предупредить, что ты можешь тяжело заболеть.

- Это почему это?

- А потому что ты не хочешь делать прививку. А прививка от всех-всех болезней спасает. Всего лишь какой-то укол, и всю жизнь будешь здоровой и весёлой!

- Уж лучше я заболевшая буду...

Костик понимал, что нужно что-то придумать. Он знал, что должен во что бы то ни стало помочь девочке преодолеть страх.

- А ну эти уколы и болезни! – махнул рукой Костик. – Давай лучше просто поболтаем. Ты, кстати, кем хочешь стать, когда вырастешь?

Девочка на секунду задумалась и посмотрел на Костика своими большими и добрыми голубыми глазами.

- Художником, - сказала она. – А ещё музыкантом. Я буду на такой гитаре играть – знаешь, такой вот формы (она показала руками), по ней ещё одной штукой водят... Смычок зовётся, я на концерте видела. А ещё я буду учительницей и балериной, а ещё - певицей и актрисой. Как ты думаешь – девочка доверчиво посмотрела Костику в глаза – у меня получится?

«Сразу всеми – нет», - подумал Костя, а вслух сказал: - Конечно, получится! Я в этом не сомневаюсь.

- А ещё я мечтала канатоходкой быть, - оживилась девочка. – Мы с мамой были в цирке, там по канату ходила одна стройная тётенька, ей все хлопали. А ещё я хочу быть ветераном.

- Ветераном войны? – переспросил Костик. – Так ведь война кончилась давно, у меня там прадедушка воевал.

- И вовсе не войны, а животных. Ветеран животных – это доктор такой. Когда у нашей Пальмы заноза попала в лапу, мы как раз к такому доктору ходили, к дяде Серёже.

- А-а-а, ну так это ветеринар.

- Ветеринар, точно! – рассмеялась девочка. – Ведь это хорошо – лечить животных?

- Да, - задумчиво протянул Костик. – Вот станешь известной балериной, и художницей, и музыкантом – будешь на весь мир известна. Тебя будут показывать по телевизору, в газетах писать... И вдруг все узнают, что ты в детстве боялась прививок. Что тогда все подумают? Скажут: «Знаменитая певица, канатоходка и ветеринар, а боится уколов!»

Девочка удивлённо посмотрела на Костика и вдруг задумалась.

- Будешь гастролировать по всему миру, а прививок – бояться! Ну что за смех? А потом, чтобы канатоходкой стать, нужно тоже будет перебороть свой страх. Разве не страшно идти по тонкому и узкому канату высоко-высоко над ареной? А не страшно перевязывать лапу собаке или даже делать ей операцию? Так что надо побороть свой страх!

- Я смогу стать и актрисой и ветераном, - уже увереннее сказала девочка. – Я, я... да я уже и укола не боюсь. Возьму и прямо сейчас пойду ко врачу. Пусть мне хоть десять уколов сделают. Только... пойдём со мной, ладно?

- Ну конечно!

И они пошли в кабинет врача. Костик чувствовал, что ему удалось помочь девочке, и был просто счастлив. Девочка шла уверенно. У кабинета врача она вдруг остановилась.

- А можно в то время, когда мне будут делать укол, я буду держаться за твою руку? Мне так легче будет перебарывать страх.

- Конечно, можно!

Ребята зашли в медицинский кабинет. Там сидели врач и медсестра.

- А, это та самая девочка из первого «Б», что боялась уколов? – улыбнулась врач. – Значит, ты у нас трусишка?

- А вот и нет, - сказала девочка. – Я уже не боюсь. Давайте, делайте!

- А это твой старший брат? – спросила врач (Костя увидел, как медсестра готовит шприц и спирт).

Девочка кивнула и, улыбнувшись, посмотрела на Костика. Тот возражать не стал. Что ж, брат, значит, брат!

- Готовим правую руку, рукав поднимаем чуть выше локтя, - сказала медсестра девочке.

Девочка загнула рукав и схватила Костика за руку. Костя чувствовал, как чуть дрожала ладонка девочки, но лицо её было уверенным и бодрым. Было видно, что ей немножко страшно, но

она решил ни за что этого не показывать.

- Ну вот и всё, - сказала медсестра. – Молодец! И нечего бояться, не так ли?

Девочка даже рассмеялась.

- Ты – герой, - сказал Костя. – А теперь иди на занятия, урок ведь уже заканчивается.

Девочка побежала на урок.

- А ты из какого класса? – спросила Костю врач.

- Из третьего, - ответил Костя.

- Значит, и вам сейчас тоже будем делать прививки.

- Я готов первым, - сказал Костя. – Колите!

И тут вдруг Костя почувствовал, что с ним что-то произошло. Он ничуть не боялся, и ему стало даже смешно, как только он вспомнил сегодняшнее утро.

«И как же это так случилось? – думал Костя. – Ещё час назад сам боялся, а теперь – хоть бы что!»

- Ты хороший мальчик, - говорила медсестра. – Если бы не ты, мы бы не выловили сестрёнку твою. Совсем она перепугалась сначала-то!

С этими словами медсестра сделала Косте прививку. Мальчик хотел хотя бы для приличия испугаться, но вместо этого почему-то пожалел, что забыл спросить, как зовут «сестрёнку»...

Тут прозвенел звонок.

- Ну что, номер первый готов, - сказала медсестра. – Зови всех остальных одноклассников к нам.

Кивнув, Костик вне себя от радости побежал в класс.

- На прививку! – закричал он ребятам.

- Да идём мы уже, - сказала учительница. – Совсем ты с этими прививками с ума сошёл. Где весь урок пропал, чудо ты этакое? Сам сказал – на минутку.

Не дожидаясь ответа, учительница обратилась к классу:

- А теперь строимся и дружно идём в кабинет школьного врача.

Улыбнувшись, Костик спокойно сел за парту.

- А ты чего не идёшь? – задиристо спросил кто-то.

- А мне уже сделали прививку, - гордо сказал Костя.

- Верь ему! – слышались голоса ребят. – Да он, трусишка, нарочно говорит, чтобы не делать укол.

Костя только руками развёл.

День пролетел быстро. Ребята все разошлись, а Костик что-то замешкался, собирая портфель. Ему почему-то не хотелось уходить домой. В окна класса светило весеннее

солнце, и всё казалось радостным и тёплым. Из открытой форточки пахло оттаявшей землёй и свежим ветром.

- Ну и трус же я был! – ещё раз посмеялся над собой Костик, и ему вдруг захотелось во что бы то ни стало пройти мимо первого класса.

- Вот ещё, - гордо и независимо подумал Костя. – Очень нужно тратить время на такие пустяки. Подумаешь, отвёл первоклассницу ко врачу. И что теперь? Нет, напрямик домой, и всё тут.

Он сбежал на первый этаж, и вдруг на лестнице увидел ту самую первоклассницу. Она тоже шла домой.

- Ну что, закончились уроки? – спросил он её заботливо, будто действительно был старшим братом.

- Всё, домой!

- И я домой. Да, кстати, я хотел у тебя узнать... Как тебя зовут? Меня – Костя.

- А меня – Ира. Давай дружить?

- Давай!

С этими словами Костя взял Иру за руку, и они пошли. Проходя мимо стенда «Жизнь школы», мальчик заметил новую стенгазету, которая, видно, была сделана наспех и повешена самими ребятами. Посмотрев на неё, он только усмехнулся и уверенней зашагал вперёд.

На газете был нарисован сине-зелёный заяц, за которым гнался большой-пребольшой шприц.

Журнал с двойкой

Олеся открыла свою тетрадь с итоговой контрольной работой по географии, и её глаза застлали слёзы. Внизу, под изрисованной красной пастой страницей, стояла жирная красная двойка.

– Нечего сказать, молодцы, – начала говорить Нонна Сергеевна, раздав работы. – Нет, вы мне объясните, в чём дело? Что с вами случилось? Контрольную полкласса на «пары» написали!

Нонна Сергеевна, преподаватель географии и, кроме того, директор школы, была очень строгой. Поэтому её все боялись и недолюбливали. А на самом деле б «А», который «наполовину» написал на пары, был вовсе не плохим классом, только вот уж эта контрольная...

Олеся молча глядела в тетрадь с двойкой, и слёзы капали из её красивых карих глаз на клетчатую страницу тетради. Она, одна из самых прилежных учениц, получила «два»! Девочка сама не могла объяснить, как это произошло. Она же учила! А ведь ей ни в коем случае нельзя было получать двоек!

Урок продолжался. Нонна Сергеевна продолжала своим педантичным тоном что-то вещать, но Олеся её не слушала. Ей показалось, что она слышит голос её строгой мамы, которая ещё в январе, после новогодних каникул, сказала девочке: «Вот если в течение третьей четверти у тебя не будет ни одной двойки ни по одному предмету, на весенние каникулы мы с тобой поедем в гости к бабушке в Воронеж». Олеся знала свою маму, которую она очень любила и всегда ею гордилась. Но девочка понимала: как мама сказала, так и будет. Одна двойка – и никто к бабушке не поедет.

Всю четверть Олеся училась хорошо. И вот теперь, за четыре дня до конца четверти...

– Самой высокой точкой Земного шара является гора Эверест или Джомолунгма, – продолжала Нонна Сергеевна. – Высота её почти девять километров.

Олеся, конечно, очень соскучилась по бабушке, но в воронежскую деревню она стремилась не только по этой причине. Олеся знала, что снова увидится с Артёмом – мальчиком, живущим по соседству с бабушкой. С Артёмом Олеся познакомилась прошлым летом. Это произошло как-то случайно: в воронежской деревне, где жила бабушка, местные ребята чем-то Олесю обидели. Девочка долго сидела у дома одна

и скучала, тут-то и подошёл к ней этот незнакомый тогда ещё мальчик.

– Ну что, скучаешь? – спросил он простым, почти даже ласковым голосом.

Олеся повернула голову и посмотрела на мальчика. Уже вечерело, и летний деревенский вечер мягко ласкал верхушки деревьев в садах.

– Может, пройдемся совсем чуть-чуть? – спросил мальчик Олесю и опять улыбнулся какой-то загадочной улыбкой. Потом он молча протянул девочке свою руку.

Олеся немного смутилась и подала ему руку. И они пошли вместе вдоль дороги, как старые друзья. Ох уж эта география: самая высокая точка, самая низкая, равнины-горы-косогоры...

Это был необыкновенный мальчик, который относился к Олесе как к самой близкой подруге. Они провели вместе всё лето. Для Олеси Артём был тоже единственным, тем единственным, о котором Олеся тайно думала по ночам и только ему говорила всё, что скрывала от других. Светлые глаза Артёма и его улыбка заставляли маленькое сердечко Олеси сильно биться, но это была её тайна. Никто-никто, кроме, наверно, самого Артёма, об этой тайне не догадывался. И вот лето прошло, и пришла пора уезжать Олесе домой, в большой шумный город. Артём провожал Олесю и её маму до вокзала.

– Ну, не скучай, – дружелюбно и просто сказал Артём, – а приезжай на каникулы осенью.

Но на осенние каникулы Олеся не приехала: у мамы на работе оказались срочные дела, и она не смогла взять отпуск за свой счёт, а одну Олесю отпустить, конечно же, мама не могла. На Новый год Олеся заболела и опять осталась дома. Начался отсчёт дней до весенних каникул. Девочка изо всех сил старалась учиться, потому что знала, что одна двойка уже всё испортит. И вот сейчас, за четыре дня до каникул, на уроке географии случилось это ужасное.

От одной мысли, что до июня (это в лучшем случае) она не увидится с Артёмом, у Олеси потекли слёзы. Она видела, что остальные одноклассники вроде бы почти спокойно отреагировали на свои двойки, и понимала их: для них двойка или тройка ничего не решит.

– Может, вы прекратите реветь? – грозно обратилась к Олесе Нона Сергеевна. – Вместо того чтобы слёзы пускать, лучше бы за учёбу взялась. А остальные тоже хороши...

Все опустили глаза. Никто не смел что-то сказать строгой, прагматичной и сухой (и в то же время полной!) Нонне Сергеевне, которая держала всех в ежовых рукавицах.

Сердце у Олеси билось изо всех сил. Она не могла больше держать себя в руках, это было не в её силах. Тут позвенел звонок, и класс оживился. Ведь сейчас урок со стеклянной, строгой и надменной Нонной закончится, и будет литература, которую вёл любимый классный руководитель б «А» Алексей Игоревич.

Алексею Игоревичу было лет двадцать пять. Он приехал в прошлом году откуда-то издалека, вроде из Сибири, и был очень простым, открытым человеком и, главное, до безумия любил литературу и своих учеников.

Прозвенел звонок на урок, и в «А» класс, приуныв после географии, чуть оживился.

– Ну что ж, здравствуйте, здравствуйте, ребята! – как всегда бодро и весело, войдя в класс, сказал Алексей Игоревич. – Ребята, посмотрите, погода-то какая сегодня! Весна, март! Ещё чуть-чуть, и ка-а-никулы!

Тут он весело подмигнул ученикам. Олеся, как и все остальные ученики и ученицы, любила Алексея Игоревича за его постоянную живость, бодрость, какую-то неистовую страсть не только к литературе, но и к природе, ко всему живому. Он всегда горел изнутри и жил этой бодростью и каким-то неведомым ученикам счастьем.

Алексей Игоревич сел за учительский стол, окинул взглядом учеников и, заметив грустную и чуть унылую атмосферу в классе, весело сказал:

– Ну, докладывайте, что у вас стряслось.

– Да география, – пробубнил Тучкин, сидящий за первой партой, получивший тоже «два». Впрочем, для него двойка не была редкостью.

– Контрошу плохо написали, – пояснила Аня Николина, староста.

Алексей Игоревич облокотился на стол.

– Так, значит, опять по лужам скакали вместо учёбы? – сказал Алексей Игоревич просто и бодро. – Ну не грустите, ведь двойка по географии – это ещё не конец света!

Олеся даже не подняла глаз. Она не могла взглянуть на учителя: девочка знала, что Алексей Игоревич начнёт «допрос» и обязательно выяснит, в чём же дело. Он, молодой педагог, вдобавок ко всему обладал способностью по глазам видеть то, что творится в душе у каждого ученика. Не конец света...

Пожалуй и конец! Неужели она, Олеся, и эти каникулы просидит дома? Ах, двойка, двойка! Зачем же вообще существуют эти оценки?

Алексей Игоревич начал урок, бодро глядя на класс.

– На прошлом уроке я задал вам, ребята, выучить стихотворение Лермонтова «Парус», – сказал Алексей Игоревич. – Ну, кто хочет ответить? Выходи, Тучкин, у тебя что-то нет оценок.

– Я не выучил, – пробубнил Тучкин.

Нонна бы, конечно, поставила «два». Но Алексей Игоревич только понимающе взглянул на Тучкина.

– Ну что же поделаться? Бывает, ведь все же мы люди, правильно? Я тебя, Саша, понимаю. У всех есть дела, ты, наверно, просто не успел. Но на завтра всё-таки постарайся...

Алексей Игоревич был удивительно добрым и мягким человеком. Он и не подозревал, что этот Саша Тучкин вчера до восьми вечера носился с друзьями по двору, а потом смотрел телевизор и играл в компьютер, вместо того, чтобы хотя бы прочитать «Парус» Лермонтова.

Нередко из кабинета директора можно было услышать такой разговор:

– Это же невообразимо, Алексей Игоревич, – говорила Нона Сергеевна. – Сколько можно потакать ученикам и всё им позволять? Будьте построже с ними, с ротозеями этими!

– Они вовсе не ротозеи, – говорил Алексей Игоревич. – Мои ребята очень трудолюбивые и творческие. А с плохой дисциплиной надо бороться путём привлечения детей через творчество к предмету!

– Да кто же сейчас, в наши дни, пытается творчеством заинтересовать детей? – кипятилась Нонна Сергеевна. – Двоек всем им наставить и всё. Они же по-другому не понимают!

– Понимают, – говорил Алексей Игоревич. – В каждом заложено стремление к совершенству, к добру и человечности. И даже если некоторые хулиганят, не понимают слов, это всё временно и это можно исправить!

Одним словом, с Нонной Сергеевной у Алексея Игоревича были далеко не лучшие отношения. Они часто спорили, и их споры, как правило, не приводили ни к чему хорошему. Но б «А» любил именно Алексея Игоревича – за всю ту душевную доброту, которую он дарил своим ученикам.

Ах, если бы он знал, что значит для Олеси её двойка по географии! И тут вдруг Олесе на уроке литературы пришла в голову прекрасная мысль. «Так ведь за четверть всё равно у меня будет «3» поэтому предмету, – подумала вдруг девочка, – и если я не покажу тетрадь с двойкой, то никто и не узнает...

Олеся знала, что обманывать никого, особенно маму, нельзя. Но сейчас другого выхода не было. Девочка снова повеселела и стала слушать, что говорил с такой яркостью и выражением Алексей Игоревич про Лермонтова. И вдруг, словно ни с того ни с сего он сказал:

– Да, кстати, ребята, хочу вам напомнить: завтра будет родительское собрание. Ведь конец четверти, понимаете, друзья?

Родительское собрание! Господи, за что же это! Ведь на собрании точно будут показывать родителям классный журнал. С двойкой Олеси по географии... Что же делать? Не говорить маме про собрание? Нет, это нехорошо. Да и мама сама всё узнает, сама позвонит в школу, она же очень интересуется успехами Олеси. Всё, прощай, каникулы! А Артём...

Олеся снова зарыдала. И на этот раз уже по-настоящему.

Уроки закончились. К Олесе подошли её подружки, которые догнали её в раздевалке.

– Ну что ты расстроилась? – спросила её Лена. – Ведь двойка – это ещё не конец света, как сказал наш Алексей Игоревич. Мы, Олесь, тебя поддержим, и Алексей Игоревич тоже.

– В самом деле, – добавила Таня. – Поверь, всё образуется. Хочешь, мы поможем тебе справиться с этой географией?

– Таня, Лена, – проговорила Олеся, поспешно одеваясь. – Спасибо, девочки, но мне сейчас нужно побыть одной...

На улице царил чудесная весна. Всюду звенела мартовская капель, чирикали в лужах воробьи. А солнце играло в голубом небе и резвилось, в лужах отражались пушистые большие облака. А какой запах весны, талого снега и чего-то ещё неуловимого чувствовался во всём! Олеся шла, опустив голову. Конечно же, для неё всё закончилось, и выхода нет.

– Эй, Олеська, стой! – послышался сзади крик.

За ней бежали Саша Тучкин и Ульхин Петя, одноклассники девочки. Олеся знала, что от этих мальчишек можно ожидать только какой-нибудь пакости, и прибавила шаг. Тем более, ей сейчас было не до них.

Тучкин и Ульхин догнали Олесю с каким-то весёлым свистом.

– Извините, мальчики, я очень тороплюсь, – быстро проговорила Олеся.

– Слушай, у нас есть к тебе дело! – вальяжно сказал Саша. – Да постой же ты, куда так несёшься?

Мальчики не отставал от Олеси.

– Мы хотим помочь тебе, – сказал Петя. – У нас, например, есть идея.

– Какая ещё идея? – спросила Олеся, не останавливаясь.

– Насчёт твоей двойки по географии. И наших тоже. Ведь и мы с Саньком накуролесили.

Олеся приостановилась.

– Завтра наши предки на собрание придут, и нам капут, – сказал Саша. – И тебе, Олесь, влетит от мамы, если она увидит твою парашу.

– И что вы предлагаете? – спросила Олеся.

– А вот что, – небрежно сказал Саша. – Мы возьмём и завтра перед собранием спрячем куда-нибудь журнал.

– Куда же вы его спрячете? – спросила Олеся.

– А куда угодно, – проговорил Саша. – Хоть ко мне домой.

– И это, по-вашему, хорошо? – спросила Олеся.

– Да чё уж тут церемониться? – спросил Саша. – Да и потом, мы ведь ничего не сделаем с журналом, на другой день вернём его и положим на место после собрания.

– А если засекут нас в этом деле? – вдруг вставился Петя. – Не слишком ли это подозрительно? Бац – журнала нет. Наутро бац – на месте. По-моему, уж тут надо действовать решительно: порвать журнал или, ещё лучше, сжечь.

– Точно, – подхватил Саша. – И двоек наших как ни бывало. И твоей, Олеська, тоже. Решено?! Поможешь нам в этом деле?

– Что вы, ни за что! – сказал Олеся. – Да это же преступление, нам же за это попадёт!

– А что «попадёт»? Ведь никто не узнает, что это мы! Это всё будет тайно.

Олеся зашагала, даже не оборачиваясь.

– Мне с вами говорить не о чем, – сказала она.

Пройдя шагов двадцать, она вдруг остановилась. А каникулы? А Артём? А бабушка, а как же... Ведь мама завтра на собрании узнает про двойку, а если не будет журнала, то не будет и двойки...

Олеся колебалась. Она понимала, что сейчас, вот в эту минуту всё зависит от неё. Один миг сейчас может всё решить. Девочка вспомнила те чудесные вечера с Артёмом прошлым летом, слова мамы и сегодняшнюю историю с двойкой.

– Мальчики, стойте! – негромко окликнула их Олеся.

Те повернулись.

– Мальчики, постойте, как вы хотите... расправиться с журналом? Как вы его?

Саша с Петей оживились снова.

– Да я же сказал, в костёр! – повторил Саша. – Да Олесь, не парься, нам ничего не будет за это. Говорю же, никто не узнает. Соглашайся!

– А как вы хотите стащить журнал из учительской? – дрожащим голосом спросила Олеся.

– В том-то и дело, что мы хотим это поручить тебе, – сказал Петя. – Из учительской журнал вынесешь именно ты.

– Почему именно я? – спросила Олеся. – А нельзя ли как-нибудь, чтоб вы сами?

– В том-то и дело, что нет. А представь, засекут нас. Увидят, что мы с Петькой выносим из учительской журнал, привяжутся – мол, зачем. А к тебе не привяжутся, ты же прилежная. Учишься хорошо, и вообще тебя все учителя любят. Да не бойся, мы на шухере встанем, никто тебя не засечёт.

– Но... – начала Олеся.

– Значит, завтра собрание в пять, – прервал её Петя. – Журнал мы выносим после занятий в половине третьего, находим момент, когда все преподавы уйдут. Ну, отвечай быстро, ты согласна?

– С-согласна, – еле слышно проговорила Олеся.

– Значит, сжигать будем на заднем дворе, на мусорной свалке, – шепнул Петя. – Не волнуйся, всё будет инкогнито. И гуд бай, наши пары!

Мальчики пожали Олесе руку, и разошлись.

В свои двенадцать лет Олеся была уже взрослой девочкой. Она была всё время очень чувствительной и эмоциональной, в то же время она хотела казаться строгой и деловой девочкой. К сожалению, быть такой, какой ей хотелось, получалось не всегда. Она легко могла выплеснуть свои переживания, потому что сдержать их было не в её силах.

В то же время Олеся была довольно скрытной со своим богатым внутренним миром. Она не любила делиться чем-то самым сокровенным и, вместе с этим, была очень ранима.

В свои двенадцать лет Олеся уже обладала какой-то особой красотой, которая была подчеркнута этой строгостью стиля жизни и своей загадочностью. Поэтому на неё уже частенько заглядывались мальчики – даже более старшего возраста, но она ни с кем близко не дружила – девочка была верна самой себе и Артёму, о котором она не забывала ни на минуту.

И вот теперь Олеся решилась на такой опасный шаг. Она знала, что если связаться с этими двумя шалопаями, то это ничего хорошего из этого не выйдет, но...

– Ну что, дочка, как в школе дела? – спросила мама, когда Олеся вернулась домой.

– Всё нормально, мамочка, – стараюсь как можно меньше волноваться, сказала Олеся.

– Да, кстати, – Олеся добавила как бы невзначай, – завтра у нас в школе родительское собрание.

– Знаю, – сказала мама. – Я уже звонила в школу. Обязательно приду. Мне очень интересно знать, как там дела идут у моей дочери.

Вечером Олеся даже повеселела.

«Всё получится, у нас всё получится, – убеждала она себя. – Мы всё сделаем так, что никто не узнает и ничего не подумает».

Ей показалось, что задумка с журналом очень даже удачна. Только бы никто завтра не заметил её, когда она будет выносить журнал. А может, лучше, если мальчики сами утащат журнал? Нет, не лучше, они же сказали, почему.

И впереди будут каникулы, широкие весенние просторы воронежской деревни, луга и дали, где Олеся провела прошлое лето. Всё получится, ну конечно, получится!

Девочка мысленно перенеслась в ближайшее будущее, которое, если всё будет хорошо, скоро наступит, и почувствовала счастье.

Следующий день тянулся нескончаемо долго. Олесе казалось, что кто-то специально раздвинул уроки, чтобы этот учебный день нарочно как можно дольше не заканчивался. Саша с Петькой весь день на уроках валяли дурака и только на большой перемене, когда все убежали в столовую, задержали Олесю и шепнули ей: «Так, значит, в половине третьего!»

Наконец занятия закончились. Ребята стали потихоньку растекаться – учебная среда подходила к своему логическому завершению

– Олеся, ты чего не идёшь домой? – спросила её Таня, видя, как девочка вместо того чтобы собираться, как-то странно ходит по школьному коридору из угла в угол.

– Да у меня ещё... ну дела кое-какие, – соврала Олеся, и ей стало неловко.

– А, ну ладно, – весело махнула рукой Таня. – У тебя мама на собрание придёт? Ну давай, пока, Олеся.

Все ученики разошлись. Было без пятнадцати три, школа уже затихла. Олеся чувствовала себя ужасно неловко, ей вдруг стало совсем неудобно в прежде уютном коридоре школы. Петька с Сашей куда-то запропастились, как специально. Сказали, что будут в половине третьего, а сами... А может, они пошутили? Нет же, они сейчас приду, всё будет налажено, никто не узнает об Олесиной двойке, и уже в субботу они с мамой уедут в воронежскую деревню, к бабушке и...

Олеся посмотрела в окно. Весенний день был в разгаре. Ах, до чего же красивы эти деревья, лужи, в которых отражается солнце, и луч солнца, заглянувший в окно пустынного школьного коридора! Олесе казалось, что этот весенний луч заглянул в окно специально для неё. Вот он ласкает её и дарит ей первое весенне-мартовское тепло.

Тут послышались шаги – Саша Тучкин и Петька Ульхин. Луч сразу перестал играть в окне школы – всё стало обыкновенным.

– Поднимайся скорее на второй этаж, к учительской, – шепнул Саша Олесе. – Мы идём за тобой. Значит так (он повернулся к Олесе). Ты сейчас заходишь в учительскую, хватаешь журнал, и мы, поджидая тебя в коридоре, незаметно убираем его в сумку. Вот в эту – специально её взяли для журнала. Ну, идём!

Олеся с мальчиками поднялись к учительской. Они старались идти как можно тише, еле ступая на носочки.

– Ну, открывай дверь, – сказал Саша Олесе. – Ты приоткрой чуть-чуть, чтобы убедиться, что там никого нет!

Олеся вдруг испугалась.

– Мальчики, а может, вы сами? А если там директор?

– Да никого нет, говорю! – зашипел Петя. – Ну-ка, я загляну!

Но планы ребят не оправдались. В учительской сидела Ольга Евгеньевна, учитель математики. Она сидела у самого окна, проверяла тетради и не заметила заглянувшего Петю.

– Вот те и на! – прошептал Петя. – Придётся ждать, пока она уйдет. Тогда и похитим журнал.

– А если она не уйдёт? – спросила Олеся. – Что мы тогда будем делать?

– Да уйдёт, куда же она денется!

Прошло минут двадцать. Ребята спрятались за угол коридора и пристально следили за дверью. Наконец Ольга Евгеньевна вышла из учительской, воткнув в дверь ключ.

– Заперла! – шепнула Олеся.

– Да только ключ в двери оставила, не видишь, что ли? – сказал Петя, когда математичка скрылась в другом конце коридора. – А теперь – быстро действовать! Раз она не заперла учительскую, значит, сейчас вернётся. Или, что ещё хуже, Нонна придёт туда. Давай, Олеська, настал решающий момент!

Петя с Сашей потёрли ладони.

– Ну иди скорей, Олеся, не тяни кота за хвост!

Девочка, волнуясь, открыла дверь учительской. Господи, где же журнал? А, вот же он, где и всё, лежит. Дрожащими руками Олеся схватила журнал и бросилась было бежать. Но тут то ли от волнения, то ли от неосторожности девочка задела книжный шкаф – сверху с грохотом полетели книги.

– Ну скоро ты там? – прошептал Саша, заглядывая в учительскую. – Хватай журнал и беги!

Зачем Олеся принялась поднимать книги, она не отдавала себе отчёта. Девочка их стала торопливо ставить обратно на полку, как вдруг из одной книги посыпались какие-то открытки.

– Да что ты там, застряла что ли? – послышался голос Петьки. – Засекут ведь!

Девочка сложила мигом все открытки в стопку – на большее у неё не было времени. Она выскочила из учительской с журналом в руке.

– Давай его сюда! Молодец! – ликуя, сказал Петька.

Журнал был убран в сумку, и ребята бросились к выходу. Слава богу, они ни на кого не наткнулись. Только в конце коридора им встретилась уборщица, домывающая пол, которая стала ругаться, что «все дети ходят без сменки, и ей уже в пятнадцатый раз приходится перемывать коридор».

Ребята, миновав уборщицу, вышли на улицу. Отойдя на безопасное расстояние, они убавили шаг.

– Ну ты, Олеся, молодец! – похлопал её по плечу Саша. – С тобою хоть в разведку, хоть куды; хоть туды, а хоть сюды.

Саша сказал так складно, что Олеся даже рассмеялась.

– Так держать! – поддакнул Олесе Петя. – Теперь – на свалку, где и ждёт наш журнал расправа!

Но Олесе почему-то стало не по себе от одной только мысли, что она стащила журнал и сейчас его несёт на уничтожение.

Напрасно Олеся убеждала себя в том, что об этом никто не узнает, что всё будет тайно. Что-то начинало мучить Олесю, и это было ощущение чего-то нехорошего и преступного. Вот они теперь идут и идут по улицам родного города...

Чем дальше они шли, тем больше какое-то угрызение начинало мучить Олесю. Ей казалось, что все прохожие оборачиваются и смотрят на них и на их сумку, в которой лежал классный журнал б «А», и говорят про себя: «И что это они в сумке несут? Наверно, что-то украли!»

Саша с Петькой, наоборот, чем дальше шли, тем больше ликовали.

– Всё получилось незаметно, инкогнито, как говорится! – сказал Петька. – Бац – и всё, нет журнальчика.

– Ребята, а, может, мы зря это с вами затеяли? – осторожно спросила Олеся. – Ведь мы же плохо поступили, ведь так же нельзя.

– Фи, да разве в наши дни хоть кто-то думает, когда делает, что лъзя, а что нельзя? – усмехнулся Саша, и только сейчас Олеся заметила, какое у него неумытое лицо.

Олесе вдруг стало стыдно и неприятно за то, что она идёт с такими мальчишками. Да что это были за мальчишки! Первые хулиганы в классе! Именно их чаще всего вызывали к

директору «на ковёр» за разбитые окна, курение за углом и всё такое. Зачем, зачем она, эта красивая, прилежная и воспитанная девочка, связалась с ними?

«Слава богу, скоро всё закончится: журнал сожжём – и всё, всё плохое закончится!» – успокаивала себя Олеся.

Вдруг она увидела, что мальчики её завели в какие-то незнакомые дворы, где валялись битые стёкла и бутылки.

– А куда мы идём? – спросила вдруг Олеся. – Мальчики, долго ещё?

– Да недолго, – сказал Саша и небрежно плюнул. – А вона и свалка. Там-то мы с тобой и расправимся, кондуит несчастный!

Олеся облегчённо вздохнула. Неужели мучаться осталось недолго?

Место, куда мальчики привели Олеся, было отвратительным. Это была самая настоящая городская свалка, устроенная на пустыре. Под ногами Олеси валялись битые бутылки и прочий мусор: банки, склянки, разломанные кровати с торчащими пружинами, какие-то железяки. Под большой горой мусора сидел обросший бомж и что-то ел.

– Ой, – воскликнула Олеся, увидев его.

– Да не бойся ты, – сказал Сашка. – Это дядя Ваня, местный житель. Он тут всегда тусует. Поверь мне, ему сейчас не до нас.

– Как, вы его знаете? – удивлённо и с отвращением спросила Олеся, еле шагая по кучам мусора.

– А как же? – ответил Петька. – Мы же тут каждый день бываем.

– И что вы тут делаете? – Олеся подёрнуло холодком.

– А когда чё, – махнул рукой Петька. – То дерёмся, а то колотим друг друга. Короче, дурью страдаем. Стоп, пришли. Здесь будем сжигать. Санёк, ты спички-то хоть взял?

Олеся оглянулась по сторонам. Она находилась на примятом месте, где, очевидно, и устраивались все эти драки. Она уже тысячу раз пожалела, что пришла сюда, что согласилась, связалась с этими мальчишками, но было уже поздно.

В мгновение ока мальчишки натаскали кучу сухой прошлогодней травы. Саша торжественно достал из сумки журнал.

– Ну что, голубчик с двойками, – торжественно и громко произнёс он. – Ты живёшь последние минуты!

С этими словами он швырнул журнал на кучу хворосту – тот самый журнал, который всё время лежал на столе учителя.

Олеся вдруг обуял ужас.

– Мальчики, не надо!

– Что «не надо»? – почти зло сказал Сашка.

– Не надо... журнал, – с мольбой проговорила Олеся.

– Поздно, голуба, – вставился Петя. – Теперь уж всё сделано, осталось только последнее самое. Санёк, ты бензинчик где-то тут держал?

Неизвестно откуда Санёк достал склянку с бензином и полил им аккуратно классный журнал.

– А теперь поджигай, – сказал Саша, подавая девочке спички.

– Нет, я же не умею, да... – у Олеси ломался голос. – Может, лучше вы сами?

– Поджигай! – приказал Сашка.

Олеся с дрожью в руках взяла спички.

Журнал вспыхнул изо всей силы, вместе с хворостом. Пламя стремительно поднялось вверх. Журнал горел быстро; исписанные листы с двойками, четвёрками и пятёрками моментально превращались в пепел.

– Ур-ра!!! – неистово заорал Сашка. – Долой кондуит, гори скорей, ура!

– Гори, гори прежняя жизнь! – крикнул Петька. – Гори, прежняя плохая жизнь!

Олеся стояла, остолбенев. Пепел вместе с дымом летели на её чистое пальтишко, на её лицо. Что она сделала, что?

Радости Петьки и Сашки не было конца. Они скакали до тех пор, пока костёр не прогорел, и они до конца не выдохлись. Тогда они присели на брёвнышко, и Сашка достал сигареты.

– Олесь, давай с нами! – сказал он. – Это такой кайф, ты попробуй!

– Нет-нет, – замотала головой Олеся и вдруг испуганно посмотрела на часы.

Боже мой, уже половина пятого! Сейчас мама уйдёт на собрание, а Олеся так и не вернулась домой! Сотовый она, как специально, забыла. Что сейчас она скажет маме?

– Мальчишки, мне пора! – сказала Олеся, торопливо оглядываясь.

– Да ну чё ты как не наша? – спросил Петя, пуская дым. – Посидела бы с нами тут как культурный человек, мы бы сейчас за пивком сбежали...

– Нет-нет, я побежала!

Олеся бежала изо всех сил. Как же это она не уследила за временем? Сейчас от мамы будет такое за то, что она задержалась. Девочка несколько раз упала, споткнувшись о какие-то вёдра, прежде чем покинуть эту гадкую свалку. А что, если мама уже ушла?

Нет, мама была дома. И когда Олеся позвонила в дверь, мама ей тут же открыла. Она была очень недовольна.

– Где ты пропадаешь? – строго спросила она. – Погляди на часы!

– Мамочка, я в школе задержалась... – сказала Олеся, не смея смотреть маме в глаза.

– А почему куртка грязная? И дымом от неё несёт? – тут мама взглянула на часы. – Ой, да я же на собрание опаздываю! Ладно, вечером с тобой ещё поговорим. Сейчас я сама на собрании всё узнаю, чем они там в школе детей занимают и почему до пяти часов держат.

Входная дверь хлопнула. Олеся осталась одна в квартире. Только сейчас девочка поняла, что она совершила. Она представляла себе, как сейчас, готовясь к собранию, Алексей Игоревич обнаружит пропажу журнала и пойдёт к Нонне, подумав, что он у неё. Не найдя журнала, Нонна выйдет в класс в начале собрания и скажет всем: «У нас куда-то пропал журнал. Кто-то из ваших детей его стащил, чтобы сжечь». Мама придёт домой, вспомнит, что от курточки Олеси пахло дымом, и всё поймёт! Что тогда будет ей? Как же каникулы в Воронеже?

И тут Олеся поняла, что она ужасно устала. От всего: от скрываний, от этих Сашки с Петькой, от собственных мыслей и переживаний. Девочка легла на диван, и её глаза сами закрылись. Длинные пушистые ресницы девочки стали слипаться. Вот бы сейчас рядом был бы Артём... Он бы выслушал, всё понял, поддержал. Но когда же теперь она увидится с ним, с этим добрым, умным и светлым человеком, который для него дороже всех на земле?! Да и захочет ли Артём с ней говорить после того, что она, Олеся, натворила?

«Мама вечером всё узнает, поймёт, и всё кончено, – подумала Олеся. Но подумала она слабо и вяло, сил уже не было. Олеся уснула.

Когда она проснулась, в комнате было уже темно. На кухне гремела посудой мама – значит, она уже вернулась с собрания.

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

Олеся встала и пошла на кухню. На удивление, мама была в превосходном настроении.

– Ну что, отдохнула, дочка? – спросила она. – Давай пить чай, уж поздно, собрание затянулось.

– Как там... в школе? – спросила несмело девочка.

– Да всё хорошо, – сказала мама. – Алексей Игоревич, кстати, очень хвалил тебя, сказал, что ты очень творческая девочка и вообще одна из лучших учениц. А помнишь, что я тебе говорила? Если ты не получишь за всю четверть ни одной двойки, то мы с тобой поедим к бабушке на весенние каникулы. Ты, дочка, старалась, – мама обняла Олеся, – а за всякое старание должно следовать вознаграждение. В субботу, то есть послезавтра, вы уже не учитесь, и я уже купила билеты!

Олеся не знала, радоваться или не радоваться. Видно, журнал просто не потребовался для собрания...

Ночью Олеся спала плохо. Ей снился костёр и Нонна Сергеевна, которая почему-то была с хоботом и длинными ушами, как у слона. Нонна при всём этом заставляла Олеся сжигать целые пачки классных журналов. Журналам этим не было конца, и Олеся всё кидала и кидала их в костёр, испытывая при этом какой-то ужас, пока наконец, не проснулась.

Первым уроком была литература.

– Ну, здравствуйте, друзья мои! – весело воскликнул Алексей Игоревич. – Поздравляю вас с тем, что завтра у нас последний учебный день в третьей четверти!

Класс радостно встрепенулся.

– Сегодня у нас будет обобщающий урок по творчеству Лермонтова! – уже загоревшись искрой интереса, сказал Алексей Игоревич, показав на доску, где были уже приготовлены цветные фотографии: имение в Тарханах, портрет Лермонтова и рисунки самого поэта.

Алексей Игоревич хотел было уже с привычным бодрим жестом открыть журнал, но тут вспомнил, что не взял его в учительской.

– Олеся, будь добра, сходи, пожалуйста, за журналом в учительскую, – весело и непринуждённо сказал он. – Так увлёкся Лермонтовым, что совсем забыл про него!

Олеся вздрогнула и побледнела.

– А почему я? – невольно вырвалось у неё.

– Ну не хочешь, так не надо, – просто сказал Алексей Игоревич.

– Давайте я схожу, – сказала Аня Николина, староста.

Через минуту Аня вернулась.

Олеся сидела как на иголках. Сейчас всё решится и обнаружится. Она взглянула на «соучастников»: Петя и Саша сидели, равнодушно зевая, как ни в чём не бывало.

– Нет журнала, – сказала Аня.

– А, ну ладно, наверно, кто-то из преподавателей взял, – беззаботно сказал Алексей Игоревич. – Четвертные отметки выставить.

Урок продолжался. До чего же ярко, образно говорил Алексей Игоревич! Каждое его слово открывало перед учениками удивительный мир книг, писателей и каких-то неведомых тайн. На уроках у Алексея Игоревича всегда было интересно. Он ни разу не читал свои лекции по конспекту. Да и разве можно было назвать его уроки скучным словом «лекция»? Нет, эти удивительные минуты, когда благодаря Алексею Игоревичу перед всеми учениками открывалась дверь в мир литературы, были неповторимы. Алексей Игоревич не любил

повторять одни и те же формы проведения урока. Один раз он придумал путешествие на двести лет назад, когда классный кабинет каким-то чудом превратился в лицейский класс Пушкина. А в какие

«Рождественские посиделки» превратил он изучение повести Гоголя «Ночь перед Рождеством»! Ребята как раз перед Новым

годом изучали это произведение. И вот, при сиянии свеч и под какую-то очень хорошую музыку ребята вместе с Алексеем Игоревичем разыграли сценки из «Ночи перед Рождеством». Олеся ни за что не могла забыть этот чудесный урок. А потом, уже под самый Новый год, ребята с Алексеем Игоревичем разучили колядки и отправились по квартирам соседских домов, 31 декабря... И, что примечательно, ни один житель их не прогнал, и ни один не отказался открыть дверь непрошеным гостям. Олеся тогда заболела и встречала Новый год с температурой. И что бы вы думали? Алексей Игоревич со всем классом пришли и к ней на колядки! Они ей принесли целый мешок апельсинов и конфет и устроили такое представление для Олеси и её родителей!

Ни один учитель во всей школе никогда не устраивал таких интересных вещей. Все уроки, будь то география, биология, математика проходили обыкновенно: урок-объяснение нового материала, урок-закрепление нового материала, урок-контрольная и так далее. Алексей Игоревич ни разу не устраивал детям даже самой обычной скучной контрольной. Знания он проверял всегда нетрадиционным путём: то они с ребятами разыгрывали фрагмент из литературного произведения, то устраивали суд над литературным героем...И все (может, конечно, почти все) всегда были готовы к литературе. А у Олеси по литературе всегда была пятёрка. Девочка могла необычайно эмоционально прочитать текст, войти в роль и моментально преобразиться, измениться до неузнаваемости...

– Алексей Игоревич, дайте, пожалуйста, журнал, – дверь вдруг открыла завуч. – Мне нужно в итоговую ведомость отметки перенести.

– Да его взял, наверно, кто-то, – ответил Алексей Игоревич. – В учительской нет, спросите у остальных педагогов!

На первой большой перемене завуч вызвала Алексея Игоревича в учительскую. Пропажа журнала дала о себе знать.

– Да я у всех педагогов спросила, никто не брал, – говорила завуч. – Вы его точно не брали? Мне нужно срочно ведомости заполнить, а журнала – нет.

– В половине девятого его уже не было, – оправдывался Алексей Игоревич.

Тут в учительскую вошла Нонна Сергеевна. Она была и так

уже чем-то рассержена, и известие о странной пропаже журнала б «А» её, по-видимому, не очень обрадовало.

– Вот ещё мне тут детский сад устроили, – обратилась она ко всем сидевшим в учительской учителям. – Чтобы через час журнал был найден!

Но через час журнал не нашли. Пришла завуч и спросила у ребят, не видели ли они журнала. Конечно же, его никто не видел, кроме троих в этом классе. И никто больше никогда не увидит...

Журнал пропал. Напрасно Нонна Сергеевна пыталась повышать голос на преподавателей – все были в растерянности. Ни один из преподавателей не брал сегодня журнал, а когда стали спрашивать, кто и когда видел последний раз журнал, учительница математики сказала, что видела его вчера часа в два – он был на месте, лежал на самом верху пачки журналов. Потом все педагоги разошлись.

Весь этот день Олеся чувствовала себя неважно. Она плохо спала, и теперь у неё после всего этого и после того, что было вчера, болела голова. Ей почему-то казалось, что теперь она стала чужой для всех в классе и в школе. Она видела эту суету, которая творилась среди учителей и думала об одном: чтобы всё это поскорее закончилось, чтобы про журнал как-нибудь поскорее забыли и чтобы всё встало на свои места. Она чувствовала, что не в состоянии взглянуть никому в глаза и все уроки сидела, потупив взгляд.

После обеда в кабинет директора Нонна Сергеевна вызвала Алексея Игоревича на официальный разговор.

– Я уверена, что подобное могло случиться исключительно в вашем классе, – строго сказала она. – Куда же, по-вашему, мог пропасть журнал?

– Я не знаю, вчера он был... – начал оправдываться Алексей Игоревич.

– Так куда же он делся, скажите мне наконец? – выходя из себя, проговорила Нонна Сергеевна. – Не мог же он сквозь землю провалиться? Ну что вы молчите??? Пропал журнал, официальный документ, а вы словно совсем не имеете никакого отношения к журналу своего класса.

Директриса продолжала раскаляться.

– Кто-то его должен был взять, этот журнал? И вообще, я уже устала от безобразнейшей дисциплины, которая царит в вашем классе. На моих уроках они совсем разболтались. Они же

ни черта не соображают, ваши дети!

– Напрасно вы так говорите, – сказал Алексей Игоревич. – Они очень творческие ребята.

– Ну что вы заладили: творческие, творческие! Что толку от этого вашего творчества? Дети должны на уроках знания получать. Для знаний они и ходят в школу!

– Извините, но вы тут ошибаетесь, – спокойно и мягко сказал Алексей Игоревич. – Поймите, знания ребёнок может получить и дома, из телевизора, из Интернета же, наконец. А школа должна, помимо знаний, научить ребёнка быть нравственным и духовным человеком.

– Духовным! – усмехнулась Нона Сергеевна. – Это же несерьёзно, Алексей Игоревич. Знания, конкретные знания – только они помогут человеку найти место в жизни, в современном технологизированном обществе.

– И тут вы ошибаетесь. Кроме знаний много чего ещё должна школа дать детям. Разве это не важно – уметь видеть прекрасное, ценить красоту и искусство? Помните слова Достоевского – «Красота спасёт мир». И задача нас, педагогов, научить детей беречь красоту, которая их окружает и дорожить ей.

– И вы хотите сказать, что ваши ученики умеют ценить красоту и видеть прекрасное, да ещё и разбираться в искусстве, – ехидно спросила Нонна Сергеевна. – Куда же в таком случае, делся журнал, главная красота вашего класса?

– Да причём тут журнал? А с вами тут я, пожалуй, соглашусь: не все мои ученики, да и не полностью, научились ценить красоту и искусство. Но я к этому стремлюсь. Поймите: это процесс не одного дня и даже не одного года. Но если все мы, преподаватели всех школ, будем воспитывать в своих учениках умение ценить тот общий духовный и нравственный опыт, накопленный человечеством, общество наше преобразится. Но, поверьте мне, на это нужно время и много-много сил.

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

– И чем же вы воспитываете эту нравственность? – снова с усмешкой спросила Нонна Сергеевна. – Тем, что вместо дела развлекаете своих учеников на уроках чем попало? У вас что ни урок – то спектакль, то экскурсия, то вообще непонятно что. А когда же учиться, наконец?

– По-моему, вы меня не понимаете, – сказал Алексей Игоревич. – А что касается моих форм работы, то все эти спектакли и экскурсии только пробуждают интерес к предмету, и тем самым дети приобщаются к искусству!

– В таком случае объясните мне, – недовольно сказала директриса. – Почему же тогда, «приобщившись к искусству» на вашем уроке, они приходят ко мне на географию и, кроме того, как валять дурака и стоять на голове, они ничего не хотят делать?

– Значит, у вас должен быть необходимый индивидуальный подход, – сказал Алексей Игоревич. – А какой – это уже ваша задача. Я уверен, и уроки географии можно построить в такой форме, чтобы все дети заинтересовались предметом. Вы хоть раз попробуйте ввести на своём уроке что-нибудь новое, творческое, интересное. Вот увидите, результат будет!

– Глядите, он меня ещё и учить вздумал! – кипятилась директриса. – А вы знаете, что я, между прочим, старше и опытнее вас?!

– Нонна Сергеевна, поймите, – сказал Алексей Игоревич. – Я вас вовсе не хочу учить, я просто даю вам советы, как сделать так, чтобы все дети были заинтересованы и географией. Главное – понять, собираясь на урок к детям, что каждый ребёнок – личность, и к каждому надо найти свой, индивидуальный подход. Думайте о том, как каждый урок сделать не только познавательным, но и ярким, интересным и запоминающимся. И... тогда у вас всё получится.

– Фи, ну и загнул! Да они, эти дети, все на одно лицо, и у всех одно и то же в голове: лишь бы скорее убежать с урока или сделать какую-нибудь пакость. И после этого вы будете доказывать, что каждый ребёнок – личность?

– Да, личность. Каждая пара глаз, которая устремлена на учителя на уроке – это свой особый внутренний мир, полный тайн и стремлений.

– Чего? Да вы в своём уме? Какой внутренний мир? – директриса готова была взорваться.

– Нонна Сергеевна, если вам этот внутренний мир каждого ребёнка не открылся, это не значит, что его нет! – сказал Алексей Игоревич.

С Нонной Сергеевной продолжать разговор было бесполезно.

В коридоре по пути к своему классу Алексей Игоревич встретил завуча.

– Не нашёлся журнал? – спросила она. – Что вы прикажете делать, если он так и не найдётся?

Напрасно Алексей Игоревич ожидал застать кого-то из своих учеников в классе – все уже ушли домой. Он сел и задумался.

Ночью Олеся не могла заснуть очень долго.

«Скорей бы это всё закончилось, – думала она, мучаясь и ворочаясь в постели. – Скорей бы пролетел завтрашний день... как-нибудь незаметно, сам по себе! А послезавтра, в субботу, уже

наступят каникулы, и Олеся уедет отсюда... Уехать, уехать, только уехать! Чтобы всё это забылось, как дурной сон, и чтобы этот случай больше не мучил мысли!»

Олеся продолжала ворочаться под одеялом. Ей вспоминались детали вчерашней сцены с журналом, помойка, эти два её одноклассника... Чем они, эти Саша с Петькой,

живут? Какие у них идеалы жизни, зачем они живут вообще, как они это понимают? А зачем она, Олеся, живёт? Она сопоставила жизнь этих двух сорванцов и свой вчерашний поступок и всё думала, думала и думала. И почему же она, Олеся, так страдает от совершённого поступка? А тем – до лампочки...

Девочка тихонько встала и подошла к окну. На дворе была весенняя мартовская ночь. По ночному небу неслись таинственные облака, сквозь которые светила полная луна. Вот бы Олесе взять и улететь куда-нибудь с этими облаками и луной. Куда? Да куда угодно, только подальше от всего этого: от школы, от этого города. А что будет, если вдруг кто-нибудь узнает о том, что она – причина пропажи журнала? Что будет тогда? Как это несопоставимо: эта чудесная безмолвная ночь, далёкие облака, сказочная луна и та гадость, которую вчера – или нет, уже позавчера – совершила Олеся. За что же она, двенадцатилетняя девочка вынуждена так страдать? Ведь она сделала это не со зла, не в отместку, а просто потому что она хотела встретиться со своим приятелем, другом и просто с человеком, о котором она не забывала ни на минуту. И тут вдруг Олеся задумалась: почему же на этом свете всё так запутано, и кто подскажет ей, как быть, как выпутаться из этой истории? Ведь она хочет добра всем и хочет быть хорошей, только почему-то не может всё делать так, чтобы быть хорошей...

Наутро Олеся проснулась какая-то усталая и измятая. Мама, посмотрев на дочку и потрогав её лоб, даже предложила ей остаться дома.

– Ведь сегодня последний учебный день, – сказала мама. – Завтра мы с тобой едем в Воронеж. Ты ведь не хочешь, чтобы поездка снова сорвалась из-за твоей болезни? Да и билеты уж куплены. Давай я зайду в школу и скажу, что ты себя плохо чувствуешь.

– Не надо, мама, – попросила Олеся, – я себя нормально чувствую.

Девочка понимала на каком-то подсознательном уровне, что не явиться сегодня в школу будет ещё хуже, чем даже сжечь журнал. Слава богу, сегодня последний день. Осталось совсем немного, всего день и всё, и Олеся уедет отсюда и начнётся у неё другая, спокойная жизнь. А к началу четвёртой четверти уже, наверняка, сделают новый журнал, и старое забудется.

В школе царил какая-то суетливая и рассеянная обстановка. Последний день в четверти. Какая уж тут учёба?

Первым уроком у 6 «А» должна была быть математика. Но вместо математички пришёл Алексей Игоревич. Он был, как всегда, веселым или... пытался делать вид, что весел. Он, как и прежде, весело поприветствовал учеников и сказал несколько слов о погоде, прежде чем начать говорить уже «по делу».

– Ребята, представляете, наш журнал до сих пор не нашёлся, – спокойно и всё равно бодро сказал он. – Куда же он исчез?

Олеся исподлобья взглянула на него. Нет, это ангел, а не учитель! Он не смел даже предположить, что к этому делу причастны его ученики, не то, что спросить открыто «кто похитил журнал».

Но все ребята знали, что им ещё достанется. Следующим уроком у ребят стояла география. Нонна Сергеевна сегодня была ещё в более взвинченном состоянии. Она целых сорок пять минут изливала свои речи на бедных шестиклассников.

– Это только у вашего Алексея Игоревича мог случиться такой инцидент, – громко при всём классе сказала Нонна в заключение своей демагогии.

Но тут класс вдруг встрепенулся. Всегда тихони, боявшиеся порой и взгляда Нонны, они наперебой стали кричать.

– Алексей Игоревич хороший человек!

– Он добрый, он честный, он справедливый!

– Он лучше всех учителей в школе, он самый умный! Вам до него ещё расти и расти!

Нонна Сергеевна такого не ожидала.

– Ну, знаете... – сквозь зубы процедила она.

Больше она ничего сказать не смогла. Она покраснела, как рак, и бомбой вылетела из класса, хлопнув дверью.

Класс ликовал. Но рано...

На последнем уроке директор вернулась в 6 «А», и не одна, а... с двумя завучами.

– Ребята, вы прекрасно понимаете, какой случай произошёл у вас в классе. Потеря журнала – это ЧП для всей школы, – строго, чётко и спокойно сказала завуч. – Насчёт дисциплины в вашем коллективе и вашего отношения к Нонне Сергеевне мы ещё поговорим. А сейчас вот что мы вам скажем: установлено, что никто из преподавателей журнал не брал. Посторонние к нам в школу не заходят, у нас и вахта, и охрана есть. Остаётся один вариант – журнал был похищен кем-то из учеников. Я не хочу никого обвинять понапрасну, но напомним всем: классный журнал – важнейший документ, который проверяется департаментом образования и другими вышестоящими организациями. А тут ещё и конец четверти. Поэтому, если до конца сегодняшнего дня человек, похитивший журнал, не объявится, мы будем вынуждены повторно провести в вашем классе все контрольные работы за третью четверть. Следовательно, с понедельника, когда все уже будут на каникулах, вы придёте писать все контрольные по всем предметам. В противном случае, весь класс не будет аттестован по итогам третьей четверти. Я всё понятно сказала?

В классе воцарилась гробовая тишина. Никто не предполагал такого исхода.

– А теперь пойдёмте дальше, – сказала завуч Нонне Сергеевне. – По параллельным и остальным классам, необходимо всех поставить в известность.

Они ушли. Класс, словно поражённый молнией, остался сидеть на местах. Все смотрели друг на друга, ничего не понимая.

Через десять минут, когда все разошлись кто куда, к Олесе подошли Саша Тучкин и Петя Ульхин, её соучастники преступления.

– Олесья, слушай, что мы хотели сообщить тебе, – сказал Петька, шмыгнув носом. – Мы вынуждены сейчас же пойти и рассказать всем, что это сделала ты.

Олесю словно поразило током. Она не верила своим ушам. Ведь они вместе с ней сожгли журнал, вместе договорились о том, что всё будет инкогнито. И, наконец, они же сами её подговорили совершить такой поступок!

– Мальчики, вы... шутите? – дрожащим от ужаса голосом сказала Олесья.

– Какие уж тут могут быть шутки?! – протянул Петька. – Ты слышала, что нам сейчас замша сказала? Все контрольные придётся заново писать, если мы не сознаемся, что это сделала ты.

– Будто мне во второй раз написать все эти контроши! – встрял Саша. – Я и тогда еле еле по некоторым предметам на «тройки» натянул. А сейчас я уже все материалы забыл.

– А у меня в том журнале четвёрка по истории стояла за четверть, – подхватил Петька. – По типу, мне второй раз написать

этот долбаный тест на четыре? Да ни в жизни! Да и потом, почему это мы должны в каникулы тут торчать и писать контроши заново? Все будут отдыхать, а мы, как левые, вкалывать, да? Идём, Сань.

– Стойте, мальчики! – с невыразимой жалостью простонала Олеся. – Мальчики, да разве это возможно? Мы же... Мы же вместе договорились, что ни слова, ни за что... Ведь я же не одна это сделала, мы же вместе украли и сожгли его!

– А что значит, вместе? – по-предательски нагло сказал Сашка. – Кто журнал стащил? Ты. Кто поджжёт? Ты. Скажешь, нет? Пошли Петька, хватит уже тут детский сад разводить. Всё расскажем – и делов.

Они ушли. Олеся осталась одна в пустом кабинете. Она не знала, верить ли тому, что она сейчас услышала. Она понимала, что эти двое сейчас же «настучат», но, позвольте, неужели такое предательство возможно? Неужели она теперь осталась совсем-совсем одна, совсем-совсем чужая на свете?

И вдруг Олеся чётко и ясно поняла, что во всём виновата теперь она. Это она предала всех, наделала столько переполоха, из-за неё пострадал весь класс и Алексей Игоревич, любимый Алексей Игоревич тоже пострадал. А класс? И что же все эти дни Олеся думала только о себе, а не о других?

Олеся стала метаться по кабинету. Что делать теперь? Сейчас они на неё донесут. Мальчики всё на неё свалят, а сами выйдут сухими из воды. Так ей и надо, так и надо. И тогда Олесю исключат из школы. Что делать, что делать?

Её нервы не выдержали. Она упала лицом на парту и зарыдала. Её трясло. Девочка сидела одна-одинёшенька в пустом кабинете, и не услышала, как кто-то вошёл в пустой кабинет. Вдруг чья-то тёплая рука тронула Олесю за плечо. Это был Алексей Игоревич.

– Олеся, да что с тобой, Олесенька, да что ты? – ласково и убедительно спрашивал Алексей Игоревич, глядя на неё своими добрыми светлыми глазами.

И тут Олеся поняла, что она на этом свете не одинока.

– Это я... Это я во всём виновата! – едва сквозь всхлипы смогла выговорить девочка.

– Олеся, успокойся, я с тобой, – уверенно сказал Алексей Игоревич. – В чём ты виновата?

– Это я украла и сожгла журнал, – едва выдавила из себя Олеся.

Она боялась взглянуть на Алексея Игоревича. Сейчас он посмотрит на неё ужасным взглядом, и Олеся потеряет и его, любимого учителя. Но Олеся набралась сил и взглянула в глаза учителя.

Лицо Алексея Игоревича оставалось по-прежнему бодрым и уверенным. Он посмотрел на Олесю и дал понять, что она его ни за что не потеряет, что бы ни случилось. Странно, но этого Олеся не выдержала и снова упала лицом на парту.

– Да, поверь мне, дело не стоит твоих слёз, – сказал Алексей Игоревич. У него тоже сильно билось сердце.

– Нет, я гадкая, мерзкая, противная! – говорила Олеся, закрывая лицо руками. – Я не достойна того, чтобы вы со мной даже просто разговаривали!

– Олеся, ты не права! Ты самая лучшая моя ученица, ты всегда была для меня лучшей ученицей и навсегда останешься ею! – убеждал её Алексей Игоревич.

По глазам его было видно, что учитель говорит правду. И не для того, чтобы просто её утешить.

Тогда Олеся всё рассказала... И про уговор с мамой, и про Артёма, и про предательство одноклассников.

– Я слабая, бесхарактерная эгоистка, – сказала Олеся в конце своего рассказа. – Ведь я не смогла признаться во всем!

– Нет, Олеся, – твёрдо сказал Алексей Игоревич. – У тебя сильная воля. Ведь ты раскаялась сейчас, а значит, твоя душа уже чиста. И потом, почему ты эгоистка? Ведь ты же пошла на это ради человека, который тебе нужен, и которому ты сама нужна.

– Теперь всё равно, – сказала Олеся. – Уже про меня всё рассказали, и меня точно исключат из школы...

Алексей Игоревич вдруг серьёзно задумался. Но только на несколько секунд. Вдруг он вскочил и, хлопнув себя по голове, сказал, как всегда, бодрым тоном:

– Ну надо же! Олесь, я совсем забыл: мне надо срочно сделать один звонок! Посиди здесь, я сейчас вернусь!

Он выбежал из кабинета. Прошло минуты две, Олеся почувствовала неладное. Она бросилась в коридор. Откуда Алексей Игоревич пошёл звонить? Из учительской? Нет, его там нет. Значит, от секретаря! Олеся бросилась к кабинету секретаря. Если бы по пути не располагался кабинет директора, Олеся бы и не остановилась. Но она вдруг услышала громкий и удивлённый голос Нонны, доносящийся из-за закрытых дверей.

– Нет, вы мне объясните, почему, если вы потеряли журнал, вы только сейчас в этом признались? – кричала Нонна Сергеевна.

– Я всю школу на дыбы поставила, всё перевернула с ног на голову, а вы мне только теперь заявляете, что это вы потеряли журнал. Вы взрослый человек, вам не стыдно было? Объясните, почему только сейчас признались?

Олеся сначала не поняла, что к чему. Она не слышала, что ответил Алексей Игоревич, спустя минуту он вышел сам.

– Ты здесь? – спросил он удивлённо. – Значит, ты всё слышала?

– Зачем вы... это сделали? – спросила тихо Олеся.

– Я знал, чем это может для тебя обернуться, – тут Алексей Игоревич добавил прежним бодрым тоном: – Олеся, знай, что ты ни в чём не виновата. Это говорю тебе я. Отправляйся к бабушке, отдыхай и... выбрось из головы всё. Ты всё равно для меня останешься лучшей ученицей.

«Останешься?» Олеся не ослышалась?

– Прощай, Олеся, – сказал Алексей Игоревич. – Да, я больше не буду здесь работать. Но я буду вспоминать ваш класс, мой дружный и лучший б «А» и писать вам. Не волнуйся, контрольные вам переписывать не придётся заново. Всё выставят по текущим записям учителей.

Алексей Игоревич легонько обнял Олесю.

– Ну, прощай, – торопливо сказал он. – Будешь мне писать? И ребята пусть пишут. Я уезжаю. И прошу тебя: не вспоминай этот бестолковый случай с журналом...

Он ушёл. И с тех пор Олеся его не видела. На другой день она с мамой в поезде ехала на каникулы к бабушке в Воронеж. Она знала, что если всё расскажет Артёму так как есть, он её поймёт. И простит, как простил Алексей Игоревич.

Вдаль уходили поля и леса, проплывая в окне поезда. Олеся

чувствовала, что в ней растёт, ширится и рвётся наружу что-то новое и непонятное. Она много поняла за эти дни, она стала совсем другой, новой Олесей. Впереди у неё была

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

целая неделя, полная открытий, стремлений и всего-всего самого лучшего. И Алексей Игоревич для неё теперь навсегда останется лучшим учителем в жизни. Всякий раз, когда девочка вспоминала с тех пор Алексея Игоревича, сердце её наполнялось чем-то живым, солнечным и почему-то немного грустным. Может быть, это было чувство благодарности, которое невозможно выразить словами. За всё, что он сделал для неё, для ребят, для школы или, может быть, что хотел сделать – а это то светлое и прекрасное, ради чего и живут люди на земле.

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

На каждой странице сборника
текст был вставлен в такую рамку (в оригинале)
Из-за размера пришлось красотой пожертвовать...
А так выглядит обложка сборника

